

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (27), 2024.

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2=411.2)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-269-321>

<https://elibrary.ru/IDKDCC>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024. Татьяна Касаткина

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Преподавание романа «Преступление и наказание» в школе и вузе. Круглый стол 1 марта 2024

© 2024. Tatiana A. Kasatkina

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Teaching the Novel *Crime and Punishment* in Schools and Universities. Round Table Discussion March 1, 2024

Информация об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация: В рамках круглого стола «Преподавание романа “Преступление и наказание” в школе и вузе», завершившего III Международную научную онлайн-конференцию «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения» (28, 29 февраля – 1 марта 2024), прозвучали размышления и ответы глубоких исследователей творчества Достоевского, давно преподающих роман, на вопросы, которые задавали преподаватели всех уровней в процессе подготовки конференции и на самой конференции. Речь шла о том, откуда начинать разговор о романе с классом и откуда может быть начато самостоятельное исследование школьника и студента, является ли фраза «Раскольникова мучила совесть» фактической ошибкой, как рассказывать о биографии Достоевского, как вовлечь школьников в чтение, что выносят из чтения романа молодые люди, о важности чтения (и, безусловно, — чтения Достоевского) для жизни, а не для «эстетического развития» или «повышения образовательного уровня», о герое (Разумихине) как образце, о том, что значит «ломать обстоятельства»

и «приспосабливаться к обстоятельствам», о цене преобразования и о многом другом.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», преподавание, методы и подходы, анализ и синтез текста, роль эпилога, биография автора, совесть, точки входа в текст, Разумихин, имена героев.

Для цитирования: Касаткина Т.А. Преподавание романа «Преступление и наказание» в школе и вузе. Круглый стол 1 марта 2024 // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27) С. 269–321. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-269-321>

Information about the author: Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract: During the round table discussion “Teaching the Novel *Crime and Punishment* in Schools and Universities,” which concluded the 3rd International Online Academic Conference “*Crime and Punishment: Current State of Research*” (February 28, 29 – March 1, 2024), in-depth researchers, who have been teaching the novel for a long time, shared their reflections and provided answers to questions posed by teachers at all levels during the conference preparation and the conference itself. The discussion covered various topics, including where to begin the conversation about the novel with a class and how students might start their own independent research. Other points of discussion included whether the phrase “Raskolnikov was tormented by his conscience” is a factual error, how to talk about Dostoevsky’s biography, how to engage students in reading, what young people gain from reading the novel, the importance of reading (and reading Dostoevsky) for life rather than for “aesthetic development” or “enhancing educational levels,” the character of Razumikhin as a role model, the meaning of “breaking circumstances” versus “adapting to circumstances,” the price of transfiguration, and much more.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, teaching, methods and strategies, analysis and synthesis of a text, the role of the epilogue, biography of the author, conscience, entry points to the text, Razumikhin, names of the heroes.

For citation: Kasatkina, T.A. “Teaching the Novel *Crime and Punishment* in Schools and Universities. Round Table Discussion March 1, 2024.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (27), 2024, pp. 269–321. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-269-321>

1 марта в рамках III Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения» (28, 29 февраля – 1 марта 2024), организованной Научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая

культура» Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН¹, прошел круглый стол, посвященный проблемам преподавания романа «Преступление и наказание». Круглый стол стал не только естественным завершением конференции: можно сказать, что вся конференция (столь разнообразная по темам и подходам, что периодически возникало ощущение какого-то нового начала в изучении столь, казалось бы, исследованного романа) стала путем к круглому столу, посвященному разным ракурсам восприятия, конкретным практикам анализа и новым подходам к преподаванию романа. Круглый стол о преподавании стал целевой причиной, *causa finalis* всей конференции — и я полагаю, что такая очень практическая цель и конкретная перспектива — лучшее, что может случиться с любой теорией.

Подготовила и провела круглый стол Татьяна Касаткина.

В круглом столе приняли участие: **Людмила Ивановна Сараскина** (доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, Москва), **Валентина Васильевна Борисова** (доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Музейного центра «Московский дом Достоевского» Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля; профессор, Московский государственный лингвистический университет; главный научный сотрудник, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы), **Геннадий Юрьевич Карпенко** (доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева), **Катерина Корбелла** (научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва), **Ольга Анатольевна Меерсон** (профессор русского языка и литературы кафедры славистики, Джорджтаунский университет, Вашингтон, США), **Ирина Николаевна Евлампиева** (учитель русского языка и литературы высшей категории, заслуженный учитель РФ, МАОУ «Средняя

¹ Обзор конференции см.: [Касаткина, 2024].

школа п. Пола», Новгородская область), **Николай Венальевич Капустин** (доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной филологии Ивановского государственного университета), **Николай Николаевич Подсокорский** (кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва), **Светлана Алексеевна Мартыанова** (кандидат филологических наук, доцент, доцент и заведующая кафедрой русской и зарубежной филологии Педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых), **Екатерина Викторовна Кондратьева** (кандидат педагогических наук, член Союза писателей России, Московское областное отделение, независимый исследователь), **Ольга Юрьевна Юрьева** (доктор филологических наук, заведующая кафедрой филологии и методики Педагогического института Иркутского государственного университета), **Кямаля Айдын гызы Умудова** (кандидат филологических наук, доцент, Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан)

Татьяна Касаткина. При подготовке к круглому столу в соцсетях, в ходе семинара «Что нам делать с этим странным текстом?»², проведенного в Великом Новгороде в декабре 2023 года, и при личном общении мною были собраны вопросы от учителей и преподавателей вузов, касающиеся проблем, которые возникают при преподавании романа. С оглашения их я и начну круглый стол.

Вопросы следующие:

1. Насколько и чем обосновано включение «Преступления и наказания» в школьную программу?

² 22–24 декабря 2023 года в Великом Новгороде, в Музее изобразительных искусств прошел цикл бесед Татьяны Касаткиной с учителями русского языка и литературы «Что нам делать с этим странным текстом?». Записи бесед находятся в открытом доступе. Первый день был посвящен «Горю от ума» А.С. Грибоедова: 1 часть — <https://www.youtube.com/watch?v=3fjIRbmVLzo>; 2 часть — <https://www.youtube.com/watch?v=mo8oJ5aHQ4E>. Второй день был посвящен «Преступлению и наказанию»: 1 часть — <https://www.youtube.com/watch?v=xwraa966lmw&t=1s>; 2 часть — <https://www.youtube.com/watch?v=IuQHVIVFxe4>. Третий день был посвящен «Двенадцати» А.А. Блока: 1 часть — <https://www.youtube.com/watch?v=A2MWTJKYKk>; 2 часть — <https://www.youtube.com/watch?v=tvyaQm-fvw4>

2. Каковы устоявшиеся и воспроизводящиеся ложные ходы в преподавании романа; есть ли «общее знание», которое мешает восприятию романа?

3. Есть ли хорошие и помогающие учебники и учебные пособия по роману?

4. Проблемы школьного сочинения: мучила ли Раскольникова совесть — или это фактическая ошибка?

Это проблема, возникшая в ходе проверки и оценки сочинений, написанных в конце прошлого года: ряд учителей оказался не согласен с проверяющими, что слова учеников: «Раскольникова мучала совесть», — можно квалифицировать как фактическую ошибку. Проверяющие утверждали: «Раскольников руководствуется своей теорией, его совесть молчит», — и, казалось бы, текст на их стороне. Но так ли все просто?

5. Откуда начинать анализ произведения?

Понятно, что самый простой ответ: «Начинать можно откуда угодно при условии возникновения вопроса у читателя, читательского недоумения, которое инициирует поиск», — и я надеюсь, что в течение трех дней конференции мы это прекрасно показали: действительно, начинать можно откуда угодно, и если анализ этой конкретной точки входа проведен честно, с предельным вниманием к тексту — мы выйдем через него на общую проблематику романа. Но все же есть, вероятно, точки, с которых начинать анализ будет максимально эффективно, потому что автор задает их вначале — и проводит сквозь весь роман до самого конца. Приведу несколько примеров, взятых наугад из огромного возможного списка. Если мы смотрим буквально на первые страницы романа, начальными точками могут стать: 1) Два использованных автором на первой и второй странице слова: страх и трусливый. Страх проходит с героем сквозь весь роман и исчезает в эпилоге. Чего именно боится герой? 2) Одежда. Внезапно одежде — и не только Раскольникова, а еще ряда героев (важнейшие случаи — Соня и Мармеладов), описанию одежды уделяется большое внимание. Первое, на что обращается пристальное внимание в случае Раскольникова — это его шляпа. Почему? И почему не верны костюмы героев в постановках и иллюстрации Глазунова — чем отличается от них шляпа Раскольникова? 3) Цвет. Исследователи говорят о психологическом преобладании желтого цвета в «Преступлении и наказании» — и в этом есть большой смысл (см.: [Касаткина, 2015, с. 12–13]). Однако

в самых острых точках сюжета возникает зеленый цвет. Какие вещи он объединяет? Почему эти вещи оказываются объединены?

6. Каковы могут быть варианты заданий для самостоятельной работы, способствующие максимально быстрому погружению в роман?

Я полагаю, что приведенные выше примеры вполне могут быть и примерами к заданиям для самостоятельной работы — тем более, что сейчас доступны электронные версии текстов, и концепт можно проследить сквозь текст, не упустив те его появления, которые эмоционально не акцентируются (и потому не фиксируются) для данного читателя при последовательном чтении. Важно при этом, чтобы вопрос ставился **о смысле** концепта в романе, а не просто отмечалось его присутствие в разных местах текста — это поддержит необходимость не только сквозного просмотра концепта, но и последовательного вдумчивого чтения текста, ибо обнаружатся ситуации, в которых концепт присутствует **не названным**, связанным с основной линией через семантическую ауру используемых слов (или отсутствующих слов — при очевидности наличия означаемых: так Ольгой Меерсон в ее докладе было отмечено присутствие крови, о которой **ничего** не сказано, но которая **должна** была хлынуть в момент удара, нанесенного Лизавете лезвием топора — и, соответственно, необходимость включения этого места в линию концепта «кровь»; причем для смысла романа здесь будет важно как ее фактическое наличие, так и отсутствие упоминания о ней).

7. Как сообщать биографические сведения об авторе? — варианты и методические находки.

Я, например, уверена, что не имеет никакого смысла «рассказывать биографию» до начала изучения текстов, что биография должна даваться в том объеме и таким образом, чтобы она помогла увидеть текст: это, мне кажется, оптимально, если стоит задача вызвать интерес как к тексту, так и к биографии писателя. Нужны какие-то яркие точки, которые зацепят, затянут, «оцарапают сердце», как сегодня замечательно сказала Екатерина Михайловна Понкратова, — и вовлекут в узнавание, в том числе, и о жизни писателя.

8. Значимы ли имена в «Преступлении и наказании»?

На мой взгляд, ответ тут достаточно однозначный — конечно, да, стоит только вспомнить Соню — Софью Семеновну, то есть — Софию, Бога слышащую, или Разумихина (Вразумихина) Дмитрия

(греч. «Земля-мать») Прокофьевича (греч. «преуспеяние, успех»), чтобы не сомневаться в значимости имен в романе. Но значение ряда имен не столь очевидно — и о них стоит поразмышлять, это может быть и темой самостоятельного исследования.

9. Эпилог в романе: место разрешения всего или непонятный и ненужный довесок к роману?

Вопрос этот с большой бородой — и даже не с одной. Он постоянно задается — и по тому, как на него отвечают, думаю, можно судить о степени адекватности восприятия романа отвечающим.

10. Как говорить с учениками о Свидригайлове? Кто он? Преступник и негодяй, как в учебнике (имеется в виду учебник Зинина и Сахарова [Литература, 2012, с. 231–233])?

Со своей стороны, я бы посоветовала посмотреть главу «Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”» в моей книге «Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского» [Касаткина, 2015], где я говорю о Свидригайлове как о втором главном герое романа и анализирую серию его снов. Но, может быть, участники круглого стола еще что-то посоветуют.

11. Почему у Сони зеленый платок?

Мне представлялось, что даже я в своих книгах и статьях на этот вопрос примерно сто раз ответила (см.: [Касаткина, 2004], [Касаткина, 2015]) — но когда я стала над ним вновь думать — я нашла еще новые варианты возможных ответов (вернее — точек, из которых возможно начать искать ответ, потому что в совсем конечном итоге-то ответ будет один и тот же).

12. Как правильно: Разумихин или Вразумихин? И почему?

Тут, предваряя возможные ответы, могу посоветовать статьи: [Касаткина, 2022], [Юрьева, 2024].

13. Кто сильнее: Соня или Раскольников?

14. Помогло ли Соне чтение «Физиологии» Льюиса (см.: [Льюис, 1867]) в лечении каторжных?

Мы видим, что вопросы есть разные, в том числе — иногда довольно странно поставленные или даже, на первый взгляд, смешные, но я думаю, что — если мы дадим себе труд отнестись к ним всерьез — мы изо всех из них сможем извлечь максимальную пользу для изучающих роман (в конце концов, давно сказано, что не бывает глупых вопросов — бывают только глупые ответы). Например, вопрос о том, помогло ли Соне чтение Льюиса при лечении

каторжных может стать началом разговора о присутствии в жизни Провидения — мы не знаем, как повернутся обстоятельства жизни, но внезапно оказывается, что к тому, что мы не предвидели, нас готовили — в том числе, нашим скудным и «случайным» чтением.

Конечно, свои вопросы могут задать друг другу и все присутствующие коллеги.

Я надеюсь, что мы сможем подсказать учителям, преподающим роман, разные ходы, с которых можно начать вхождение в роман с классом, показать разные уровни, на которых роман можно анализировать.

И я предоставляю слово Людмиле Ивановне Сараскиной.

Людмила Сараскина. Коллеги, на полях нашей конференции возникла дискуссия о том, должен ли отличаться доклад от его письменной версии. Давным-давно Юрий Федорович Карякин мне, совсем еще молодой и начинающей, в порядке обмена опытом как-то сказал: «Когда время ограничено, начинай с того, что хочешь сказать сама. Разверни свою мысль, как она есть (если она у тебя вообще есть). И уже потом, в статье, если будешь ее писать, объясняйся с предшественниками, созвучниками, сочувственниками. Иначе утонешь». Так я и сделала в своей апологии Разумихина на нашей конференции. И я видела, что многие поступали так же — начинали со своего, самого главного, а потом уже как-то вписывали это в научный контекст. Эта дискуссия стала для меня важной, потому что дает мне шанс сказать о Разумихине еще немножко: то, чего я не могла сказать по недостатку времени³. На самом деле, о Разумихине сейчас пишут и говорят очень многие. Его нет в учебниках — но о нем говорят в сети. О чем они говорят? Составляется биография Разумихина для игры актеров, чтобы актер понимал, что он должен играть, на кого он должен быть похож. И чаще всего выигрывает картинка из фильма Дмитрия Светозарова (2007), где Разумихина играет Сергей Перегудов, симпатичнейший актер, и когда он сопоставлен с Раскольниковым, которого играет Владимир Кошевой, с таким носом с горбинкой, немного хищный тип, сразу понятно, где Раскольников, где Разумихин.

Теперь, смотрите, еще важный пункт. Разумихин говорит про себя: я — дворянский сын. Что это значит? Значит ли это, что его отец, Прокофий Вразумихин, — личный дворянин, получивший это

³ См. статью, опубликованную по докладу на конференции: [Сараскина, 2024].

звание не по происхождению, а по выслуге лет, по службе? Что значило бы, что как личный дворянин, он не имеет права передавать титул сыну или дочери. Но тогда Разумихин — разночинец, и это многое объясняет в его поведении, в его пути⁴.

Третье. Идет спор о прототипах. Называется Аполлон Григорьев, называется Михаил Достоевский, называется литературный герой Рахметов (вроде как Достоевский один раз в черновиках обмолвился и вместо «Разумихин» сказал «Рахметов», см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 71]). Но Рахметов ли Разумихин?

Но главное, на мой взгляд, это вопрос, который был поставлен Владимиром Викторовичем в его книге 2019 года «Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну» [Викторович, 2019]. И там есть такая фраза, замечательнейшая. Раскольников размышляет: может, не ломать обстоятельства, а приспособиться к ним? Это думает Раскольников в отношении Разумихина. И получается, что в глазах Раскольникова, по мнению Викторовича, Разумихин — приспособленец. Но в нашем языке, в нашем понимании это слово не очень хорошее. Слово нам не нравится. И что значит: ломать обстоятельства? Идти в протест, идти в бунт, идти в революцию, идти в преступление, идти в террор? Что это значит: ломать обстоятельства или не ломать обстоятельства? Получается, что они, Раскольников и Разумихин — антиподы, не только по тому, как они сопоставлены в романе, но они реализуют два принципиально разных пути жизнестроительства. И самый главный вопрос: может ли Разумихин, уже в конце истории, привить Раскольникову ощущение полноты жизни в предлагаемых обстоятельствах — в тех, с которыми он столкнется, выйдя из каторги, уже без намерения их ломать, выкорчевывать, взрывать. Вот в чем вопрос.

Мы знаем фразу Достоевского: хочешь переделать мир — начни с себя. Эта формула больше всего касается этих двух недоучившихся студентов. И смотрите (это я хочу написать в статье): XIX и XX век нам показали ситуацию, когда молодежь очень часто выбирала путь Раскольникова, а именно: ломать обстоятельства. Выйдет ли из разрушителя строитель — вот вопрос. Сможет ли он, когда он разрушит все до основания, затем начать что-то строить? Или уже не сможет, потому что привык разрушать? Вот главный вопрос романа.

⁴ Тут надо заметить, что после 1845 года дети личных дворян автоматически становились не разночинцами, а почетными гражданами (примечания к словам участников круглого стола здесь и далее мои — Т.К.).

Потому что ломать — не строить, это понятно. И главный вопрос для нас (давайте про сегодня — если мы преподаем в школе или вузе и встречаемся с живыми студентами или школьниками): что за время сегодня? сегодня время Раскольниковов или сегодня время Разумихина?

Мы все идем, согласно, потому что нас на конференции 50 человек, мужчин и женщин — мы идем путем Разумихина. Мы не ломаем обстоятельства, а мы в предлагаемых обстоятельствах с вами живем, работаем, трудимся, думаем, соображаем, пишем. Мы идем с вами путем Разумихина — и это очень важно нам осознавать и понимать. И есть надежда, что в XXI веке наша молодежь выберет путь Разумихина, а не Раскольниковов. У меня огромная надежда на это.

И последнее — для меня тоже самое главное. Я в своем докладе очень много говорила про любовное поведение Разумихина, что для меня очень важно. Именно в любви проявляются его лучшие качества. Так вот, смотрите: мы всегда на конференциях много говорим о преображающей силе любви. Но как преображается в любви Разумихин — нам показано в процессе, по пунктам, по нюансам. А вот как преображается в любви — и сможет ли преобразиться в любви в процессе своей жизни Раскольников — нам это не показано. Понимаете, нам это только обещано, выполнить это Достоевский не успел⁵. И вот для меня вопрос: или не успел — или

⁵ Все же кое-что Достоевский показал — и очень важное. Состоявшееся преобразование Раскольниковов показано не только через радикальное изменение его отношения к Соне — но и через внезапно изменившееся отношение к нему каторжных: «Вечером того же дня, когда уже заперли казармы, Раскольников лежал на нарах и думал о ней. В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково. Он припомнил теперь это, но ведь так и должно было быть: разве не должно теперь всё измениться?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 422]. Что именно здесь изображает Достоевский, акцентируя радикальную и *внезапную* перемену отношений между всеми, непросто понять современному русскому читателю Евангелия, но очень легко понять тем, кто читает Евангелие по-французски, как изначально читал его Достоевский. Фраза о преобразовании мира в Царстве Божие: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20–21), — на французский (и другие европейские языки, например, итальянский) переводится иначе: «Car voici, le royaume de Dieu est au milieu de vous» — «Ибо вот, царствие Божие *посреди* вас». И Достоевский создает — посредством внезапной и внешне необоснованной перемены отношений (поскольку царствие Божие — это любовь между всеми, делающая всех «едино, как и Мы» (Ин. 17, 11)) — прямую аллюзию на это место Евангелия, показывая, что — да, дальше будет большой путь и много мучений — но Царствие Божие уже пришло в его роман и к его героям.

не собирался? Это для меня огромный вопрос. Потому что преобразование Раскольникова в любви («их воскресила любовь») — не показано. Ну покажите, пожалуйста, как это получается, как это происходит? Мы этого не увидели.

В связи с этими вопросами, для меня чрезвычайно важными, и, по-моему, важными для наших учителей, студентов и школьников — нет никакого сомнения о необходимости преподавания романа в наших вузах, в наших школах. Потому что выбор пути для нашей молодежи: один путь или второй путь, — это самое главное, что перед нами стоит. Что ты выбираешь: ломать обстоятельства или строить жизнь. Вот Разумихин выбирает строить. Помните: ему ничто не мешало, ни голод, ни холод, он все равно выбирал путь строителя, а не разрушителя. И объяснить это в школе, в вузе, самим себе — это, мне кажется, чрезвычайно важно. Вот что я хотела дополнить. Спасибо большое.

Татьяна Касаткина. Спасибо большое, Людмила Ивановна.

Я хочу сказать, что возникшая на конференции дискуссия — вопрос о предшественниках в тех наблюдениях над текстом, о которых говорится в докладе — она ведь имеет самое непосредственное отношение к преподаванию, к методикам преподавания. Потому что, странным образом (я встречала такое на конференциях, хотя это забавно выглядит) некоторые ученые даже говорят: а вот, я тоже об этом писал и это у Достоевского заметил. Ну, хорошо, ты об этом писал и это заметил — но *это написано у Достоевского* — и любой читатель может заметить это независимо от тебя (и, кстати, такое совпадение независимых наблюдателей в их выводах — один из важнейших способов верификации в филологической науке). И любой читатель — особенно если он учащийся — может (и даже должен) приступить к тексту, не опираясь ни на что более, кроме как на сам текст. В смысле — ни на какие интерпретации, созданные до него. И даже комментарий должен подаваться по запросу — сначала читательское недоумение, потом комментарий⁶. Нам нужно понимать и помнить, что наша задача — поставить читателя — по крайней мере, прежде всего и раньше всех — в диалог с писателем,

⁶ Из дальнейших выступлений (см. выступление Катерины Корбелла), впрочем, будет понятно, что для современных школьников зачастую требуется стимуляция в виде вопросов от преподавателя — для того, чтобы они *осознали свое незнание*. В этом случае могут быть полезны и проблематизирующие роман исследовательские тексты — те, которые, прежде всего, указывают на неясные места текста и учат задавать вопросы — и лишь потом предлагают ответы.

а не в диалог с каким-то литературоведом (или другим интерпретатором произведений писателя: художником, мультипликатором, режиссером). Мы — исследователи и интерпретаторы (и еще более — преподаватели и учителя) — на подхвате, мы — помогающая инстанция — и мы не можем настаивать на том, чтобы мы с нашими открытиями выходили на первый план, мы не должны хотеть заслонить писателя (как бы это ни было трудно).

И конференцию я также считаю неразумным в высшей степени посвящать перечислению заслуг наших предшественников в этой теме *per se* — мы в самом докладе вспоминаем только тех, кто нам понадобился для того, чтобы нашу мысль договорить, тех, кто дал нашей мысли какой-то дополнительный поворот (и это ведь, кстати, чаще происходит в противоречии, чем в согласии). И я думаю, что это вполне справедливо — потому что на конференциях происходит (в идеале, во всяком случае) дальнейшая работа, а не парад самомнений. Что не отменяет, конечно же, необходимости собрать библиографию, когда дело дойдет до статьи.

Но — повторю и подчеркну — особенно это важно в преподавании, потому что если преподавание, особенно для студентов, строится на заданиях посмотреть, кто и что об этом написал, — студент рискует никогда не встретиться с текстом Достоевского. Прежде всего потому, что у него не оказывается способа верифицировать все эти высказывания о тексте. И студент, и школьник должен иметь возможность в своем взаимодействии с текстом писателя не **опираться** на то, что сказали до него сколь угодно авторитетные исследователи, а **верифицировать** то, что было сказано до него. И подтвердить это текстом или не подтвердить это текстом — как и любую другую читательскую позицию. Поэтому очень важно начинать именно с обращения к тексту — и очень важно, когда именно **свое** выходит на первый план — и это именно то, чего мы ждем от учеников и чего стараемся от них добиться: понимать самим, а не воспроизводить бездумно чужое понимание.

Поэтому, конечно, сначала — встреча с автором, на любом уровне изучения, а потом уже к этой встрече могут быть привлечены всякие филологи (типа нас) как помогающая инстанция — для того, кто встретился с автором — и вдруг понял, что он недостаточно и не в полной мере с ним встретился, что встрече мешает, например, краткосрочность знакомства или отсутствие опыта наблюдательности.

Хочу сказать Людмиле Ивановне, что все же противопоставлять «время Раскольниковых» «времени Разумихиных» не вполне справедливо — это не «или», а «и» — они и у Достоевского в одном времени живут, они соседи во времени, и я думаю, что они **всегда** соседи во времени: не будет такого, чтобы были одни те или одни другие — а мы всегда соседи, и нам надо как-то ужиться. И Разумихин как раз показывает, как можно ужиться с Раскольниковым: резко не принимая его теорию, но не отвергая при этом его самого, служа по-человечески, по-дружески, по-братски ему самому. У Достоевского всегда первый — это тот, кто сумел стать вторым, помогающим в жизни других. Уже в «Преступлении и наказании» Достоевский обозначает место **второго** как место Христа — и конечно, совсем не случайно Раскольников говорит о Разумихине: «Ведь вот **этот человек за меня на распятие пойдет** <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 189]⁷. Разумихин становится для Раскольникова вторым — и именно поэтому мы с радостью видим, как Людмила Ивановна делает его первым, и совершенно с ней в этом душою согласны.

Людмила Сараскина. Но ведь тут кто кого куда соблазнит. Как в «Гамлете»: «Или ваша красота стащит в омут порядочность, или порядочность исправит красоту». Или строительство соблазнит, вдохновит Раскольникова тоже заняться строительством, или его стащат опять в революцию, в террор, в бойкот, в лом, в крушение. Кто победит. Потому что два века побеждали бунтари. Два века. Если хотя бы с декабристов начать. Бунтари побеждали. Я изучала дело декабристов: из ста тридцати арестованных у девяноста семи было записано в деле: цареубийство, на первом месте. За это им сроки давали. Цареубийство: всю семью убить, женщин, мужчин, разыскивать за границей — это кошмар. Дворяне, лучшая молодежь России, они хотели убить царя, царскую семью, с женами и детьми. Пестеля почитайте программу — это же кошмар. Два века русская история держалась на Раскольниковых, на Пестелях.

Татьяна Касаткина. Я думаю, что **держалась** она все-таки на Разумихиных. А вот шатали ее — да, Раскольниковы.

Людмила Сараскина. Вот поэтому, да, «Преступление и наказание». Если ставить эти вопросы мужественно, честно, не скрываясь за филологическими тропами, что тоже важно, но если ставить

⁷ В цитатах полужирный — выделено цитируемым автором, полужирный курсив — выделено мной. — Т.К.

эти вопросы как главные, то мы увидим, что нет более важного романа для нашей жизни, для понимания истории, чем «Преступление и наказание». Не потому, что кто-то кого-то убил, а потому что вопросы: как строить жизнь, как из нее выплывать, кем быть — это самые важные вопросы.

Татьяна Касаткина. Я согласна, что это важнейшие вопросы, и полагаю, об этом еще будут говорить участники круглого стола. Давайте пойдем дальше, и я предоставляю слово Валентине Васильевне Борисовой.

Валентина Борисова. Вынесенные для обсуждения на круглом столе вопросы соотносятся с нашими докладами, в которых некоторые очень важные ответы уже есть. Вот, например, доклад Людмилы Ивановны Сараскиной: она и сейчас подтвердила свою блестящую способность актуализировать роман Достоевского, ну и я хотела обратить внимание на то, как она показала то необходимое сопряжение биографии и творчества, которое важно и в процессе преподавания, и, как я сама убеждаюсь, в музейной работе тоже. Действительно, отдельно биографию, отдельно творчество изучать нельзя — и я даже сегодня уже в экскурсии воспользовалась суждениями и наблюдениями Людмилы Ивановны. Наблюдение касалось отношений Разумихина и Дуни: их отношения выстраиваются не только на любовной основе — но на основе задуманного ими общего дела. А ведь изначально такие отношения выстраивались у Федора Михайловича и Анны Григорьевны, которая помогала ему с самого начала, а со временем проявила удивительную деловую хватку — и при жизни Федора Михайловича, и потом, когда стала сама издавать его произведения. Эта необходимая параллель, очень важная. Татьяна Александровна Касаткина отметила, что есть вопросы, связанные с анализом художественного текста. Ну, конечно, нет анализа вообще — он все время вынужденно аспектный, в отношении «Преступления и наказания» неизбежно приходится обращаться к какому-то фрагменту, детали, отдельному образу, анализ последовательно происходит. И вот тут я еще раз хотела затронуть проблему микроанализа. В своем докладе («Авраам, Христос и Магомет в романе “Преступление и Наказание”») я, конечно, отчасти повторялась — но я все же несколько с другой стороны, чем прежде, подошла к теме. После работ Татьяны Александровны о только открывающей кавычке, об ошибке героя, я поняла, насколько важен такой почти под микроскопом проводимый анализ слова автора.

И я благодарю Николая Николаевича Подосокорского за заданный мне очень важный вопрос, действительно методологический (хотя тут в подтексте остается другая проблема, на которую мы с Николаем Николаевичем по-разному смотрим⁸): о том, как действительно выявить авторскую позицию, анализируя текст. Ведь тут, кроме теоретических, методологических установок, признания полифонии Бахтина и так далее, нужна практикующим учителям и преподавателям конкретная технология. Хотя конечно можно и на каких-то наглядных примерах научиться. Но конкретная технология, на мой взгляд, к чему она может быть сведена? Как обнаруживается, допустим, разница между словом автора и словом героя? Тем более в «Преступлении и наказании»: мы хорошо знаем творческую историю этого произведения, как Федор Михайлович вначале отказался от формы исповеди героя, от рассказа от его имени — потому что это, конечно, слишком провокативное изложение: можно попасть под обаяние Раскольникова, вместе с ним впасть в какой-то самообман — и так далее. Поэтому Достоевский выбирает повествование от третьего лица. И тем не менее какие-то «крючки», на которых повисает неискушенный читатель, «западня», в которую он попадает (автор устраивает проверку), — это осталось в тексте. Я уже об этом говорила, и тем не менее хотелось бы уточнить, что все эти графические, пунктуационные знаки, конечно, важны, они маркируют речь или героя, или автора; не менее важно и переключение стилового регистра, и конечно необходимо учитывать и особенности функционирования той или иной цитаты. Это работа очень тонкая — и не всегда она убедительная получается: все равно остаются сомнения, выходишь уже на уровень субъективно-интерпретационный, это неизбежно. Но вот что из этого абсолютно объективно — это прием **сюжетной** критики героя, которую ведь тоже никто не отменял у Достоевского. Мы не слышим в романе прямого авторского слова: автор **не говорит**, как он относится к Магомету. Но он исправляет ошибку героя, он показывает эту ошибку, он вводит в эпилоге имя Авраама — и благодаря этому возникает ряд — Авраам, Христос, Магомет. По сути, противопоставленный и отменяющий ряд предыдущий: Ликург, Солон, Магомет, Наполеон. С аксиологической точки зрения это совсем другая типология ориентиров для Раскольникова. И вот что такое сюжетная критика. Я училась у Ромэна

⁸ См., например, работы авторов: [Подосокорский, 2007], [Борисова, 2022], [Подосокорский, 2022].

Гафановича Назирова, который много об этом писал. И у него есть прекраснейший пример, который я наизусть запомнила, который он из «Записок из подполья» приводит. Вот подпольный человек находится в нелегальном публичном доме, лежит в постели проститутки Лизы, которую он только что купил, — и проповедует о прекрасном и высоком. И **само его горизонтальное положение** уже есть развенчание героя вот таким способом — через сюжетную критику. То же самое и с Раскольниковым: вот его величаява поза пророка, как я грубовато сказала, обернулась совсем другой позой, когда он под кровать старушонки лезет, простите, задом кверху.

Тут, конечно, целый комплекс приемов — я думаю, Татьяна Александровна меня дополнит, потому что методология, технология микроанализа, она, конечно, требует широкого и теоретического, и практического обоснования, чтобы это все использовалось в школе — иначе какие-то грубейшие ошибки будут повторяться.

Я заранее извиняюсь, возможно, скажу резкое — но вот в одном докладе я услышала: «пяtilетняя девочка-растлительница». Это ребенок пяти лет из последнего кошмарного сна Свидригайлова. При чем тут девочка? Она безмятежно спит. Это кошмар героя. Это из глубины его души такая грязь и мерзость поднялась. От которой, кстати, душа Свидригайлова содрогается, иначе бы он не вскричал: «Как, пяtilетняя?!» Вот здесь Достоевский использует, конечно, приемы поэтики сновидения. Сновидения, разоблачающего героя. Потому что такое всплывает из глубин души человеческой, что содрогаетесь. Но здесь не девочка становится субъектом действия. Тут все в психике героя.

Татьяна Касаткина. Спасибо большое, очень интересно все. Я хочу сказать, что мне как раз очень понравилось, как вы в своем докладе с кавычками работали. Это очень важный маркер — потому что здесь слова, которые зачастую читателем прочитываются как выраженная прямая позиция, без кавычек, на самом деле все закавычены⁹ — что означает гораздо более сложную структуру высказывания, требующую своей расшифровки.

⁹ Имеются в виду слова Раскольникова, которые приводятся исследователями как прямая отсылка к Магомету «сращенному» с Наполеоном: «О, как я понимаю “пророка”, с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся “дрожащая” тварь! Прав, прав “пророк”, когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объяснить! Повинуйся, дрожащая тварь, и — не желай, потому — не твое это дело!.. О, ни за что, ни за что не прошу старушонке!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 212].

Я хочу напомнить, в связи с чем Достоевский меняет тип повествования в «Преступлении и наказании». Он пишет об этом прямо: от первого лица не целомудренно будет¹⁰. То есть дело не в том, что Раскольников может кого-то соблазнить, если будет говорить от себя, а наоборот — он слишком многие вещи, объясняющие происходящее, представляющие его в ином свете, попросту не сможет сказать «от себя». Показать глубину героя, когда рассказ ведется в третьем лице легче, чем когда рассказ ведется в первом лице, потому что высказывать многие вещи от первого лица «не целомудренно будет». А насчет девочки-растлительницы — это я сказала — и это именно то, что прямо прописано в тексте, процитируем его: «Она согрелась под одеялом, и краска уже разлилась по ее бледным щечкам. Но странно: эта краска обозначалась как бы ярче и сильнее, чем мог быть обыкновенный детский румянец. “Это лихорадочный румянец”, — подумал Свидригайлов, это — точно румянец от вина, точно как будто ей дали выпить целый стакан. Алые губки точно горят, пышут; но что это? Ему вдруг показалось, что длинные черные ресницы ее как будто вздрагивают и мигают, как бы приподнимаются, и из-под них выглядывает лукавый, острый, какой-то недетски-подмигивающий глазок, точно девочка не спит и притворяется. Да, так и есть: ее губки раздвигаются в улыбку; кончики губок вздрагивают, как бы еще сдерживаясь. Но вот уже она совсем перестала сдерживаться; это уже смех, явный смех; что-то нахальное, вызывающее светится в этом совсем не детском лице; это разврат, это лицо камелии, нахальное лицо продажной камелии из французенок. Вот, уже совсем не таясь, открываются оба глаза: они обводят его огненным и бесстыдным взглядом, они зовут его, смеются... Что-то бесконечно безобразное и оскорбительное было в этом смехе, в этих глазах, во всей этой мерзости в лице ребенка. “Как! пятилетняя! — прошептал в настоящем ужасе Свидригайлов, — это... что ж это такое?” Но вот она уже совсем поворачивается к нему всем пылающим личиком, простирает руки... “А, проклятая!” — вскричал в ужасе Свидригайлов, заноса над ней руку...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 393]. Конечно и безусловно, это сон героя — но только никакой другой мирно спящей за пределами его сна девочки здесь ведь нет.

Но идем дальше. Пожалуйста, Геннадий Юрьевич.

¹⁰ «Исповедью в иных пунктах будет не целомудренно и трудно себе представить, для чего написано» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 149].

Геннадий Карпенко. Я согласен с Людмилой Ивановной в том, что Разумихин хороший человек, но вот что делать — ко мне на открытый урок приходит сто разумихиных: учителя, директора школ. Я проводил открытый урок по Льву Толстому (лет тридцать–сорок назад) по «После бала», нарисовал жуткую картину и говорю: вот, с вашими родными случилось это, они стали жертвами — вы в такой ситуации за смертную казнь или нет? Выдал листочки, они записали, я положил листочки в карман. Потом нарисовал на доске линию, разделил белое и черное. Все были за все хорошее, сделали хорошие выводы. Тут я говорю: а сейчас давайте посмотрим, что было в листочках. А там везде «за смертную казнь». Получается, что мы — раскольничьими с лицами разумихиных. И это парадокс. Я эти парадоксы выявляю на разных уровнях. Я в процессе преподавания люблю спросить неистово, «схватив за грудки»: отвечай, кому жить, тому или этому? Ведь Достоевский так ставит вопрос, он ставит вопрос, обращенный ко мне: это не литература, это моя жизнь. И именно в таком измерении мне всегда хочется преподавать этот роман: по крайней мере, донести до учащихся, что я его так переживаю. Я вообще не люблю выходить на аудиторию с Достоевским — потому что я начинаю волноваться. Уже и сейчас волнуюсь. Меня студент раз спросил: Геннадий Юрьевич, а когда нам отвечать Вам произведения Достоевского — нам тоже плакать, или нет? Для меня такой Достоевский. А начинать преподавать ведь можно откуда угодно, хоть со слов Достоевского: «Человек есть тайна». Вот в математическом классе я говорю: в основе преступления Раскольникова лежит неисчислимое множество причин, $n + 1$. Что это значит? Что какое бы число мы ни назвали, мы будем должны прибавить еще единицу. То есть мы имеем дело с бесконечностью причин. Но есть линейная бесконечность, уводящая в никуда — а есть вертикальная, замыкающаяся на Боге в человеке. Для меня русская классика богочеловечна и иерархически центрична, это как бы мой крест, и я с этим иду в аудиторию. Можно проверять на разных примерах. Я иногда люблю процитировать фразу Эйнштейна: «Если мышь смотрит на Вселенную, меняется ли от этого состояние Вселенной?» Это вопрос к аудитории, и ответ чаще всего: «Не меняется». Я тогда подхожу к человеку и говорю, ну, хорошо, это ведь просто некий x — а давайте подставим под этот x кого-нибудь другого. Любимую вашу собачку. Человека. Изменится или нет? Народ поставим. Изменится или нет? Или вспомним «Идиота»: че-

ловек что есть? Выкидыш. Неудачная проба природы. Давайте тогда и человечество уничтожим. Вот эта формула Достоевского: малое и большое соединены. Я еще некоторые вопросы поставлю, которые соединяют текст и нашу культуру. Вот Огласительное слово¹¹ Иоанна Златоуста читаю, а потом ставлю вопрос: а в каком часу вернулся Мармеладов домой? «Кто успел только прийти в одиннадцатый час, пусть тот не страшится за свое промедление, ибо щедрый Владыка принимает и последнего как и первого» — успокаивает нас Златоуст. И дети отвечают: в одиннадцатом часу Мармеладов пришел. Или когда я показываю православную икону Воскресения (я вчера об этом говорил, где Христос вытаскивает из Ада захватом запястья) — и потом читаю, как Соня крепко схватывает Раскольникова за руку, студенты или ученики сами обращают внимание на сходство. Главное, с моей точки зрения, — добиться такого эффекта. Что касается *со-вести*, мы не поймем этого слова, если не будем видеть, что для него исходное — *благая весть* (Евангелие). Кирилл создает язык, где *благая весть* — это голос Господа, откровение Его — а Кириллу нужно создать слово, которое откликается в нас этой благой вести — и это *со-весть*. А дальше — *по-весть*. Роман — это есть повесть, рассказывание в присутствии благой вести, среди нас: где нас двое — там Он. Вот Достоевский — об этом, роман, прежде всего, об этом. Христианство — это религия пробуждающейся совести — и роман об этом. Лизавета — это Христос, подставивший вторую щеку. Лизавета даже руки не подняла — она здесь — икона Христа. И Раскольников не заметил — и он бьет, в нем еще не пробудилась со-весть. Соня тоже воплощенная совесть: Лебезятников говорит, что она подходит для коммуны, но у нее есть недостаток, я над ним поработаю. Ее недостаток — это стыдливость и совестливость. Совесть — это некая чрезмерность, с его точки зрения. А это глубинное основание нашей культуры.

Теперь некоторые результаты нашей встречи с Достоевским. Они разные. Такие, как у Раскольникова, такие, как у Разумихина. Ну, например, девочка после встречи с Достоевским подходит и говорит: Геннадий Юрьевич, я хочу уйти в монастырь. Другая: Геннадий Юрьевич, я собираюсь уйти в Иерусалим. Мальчик подходит: Геннадий Юрьевич, я поставил себе вопрос: я унтерменш или уберменш? Я должен дать себе ответ до заката солнца. Это живой

¹¹ Слово огласительное на Святую Пасху иже во святых отца нашего святителя Иоанна Златоуста.

опыт общения с людьми. Я с ним часа два-три говорил — в полной надежде, все же, что я его завтра увижу. И последнее — на суде мальчик, убивший своего коллегу. Его спрашивают: ты негодяй, а у тебя есть любимый предмет? Он говорит: физкультура и литература. То есть — Достоевский причастен и к этому поступку. Вот какая тревога: Достоевский продолжает жить в нас. И последнее: я в 2021 году, в предъюбилейные месяцы, поставил себе такую задачу — приспособить Ваши, Татьяна Александровна, сборники по изучению Пятикнижия с методической целью. Стал конспектировать «Братьев Карамазовых»¹², потом переключился на «Подростка»¹³. И у меня сформировалось предложение. Мысль такая: есть академические наработки, «современное состояние изучения» — и хорошо бы перевести их в некое методическое пособие, сделать так, чтобы идеи встретились с методическими наработками. Может быть, сформировать методическую инициативную группу по созданию таких пособий. И — мы, академические ученые, должны вступить в образовательное пространство.

Что касается вообще учебников: в школе должны быть эмоции. Сейчас их не хватает. Сам я никогда не пользовался учебниками, потому что есть текст и есть наша культура — этого достаточно.

Татьяна Касаткина. Спасибо Вам большое. И — если я не сказала об этом вчера, хотя мне казалось, что я сказала — вот это Ваше: Соня схватила Раскольникову за руку как Христос на иконе Сошествия во ад — это совершенно потрясающее наблюдение. А про Лизавету я в свое время даже написала, что она — вторая щека Господня (см.: [Касаткина, 2004, с. 340]). Ведь суть бунта Раскольникова в том, что он считает, что Бог не очень-то умеет распоряжаться жизнью и средствами (мы помним важную деталь: деньги Алены Ивановны завещаны в монастырь — и это воспринимается Раскольниковым и студентом, которого он слышит в трактире, как самое неразумное использование денег, какое только можно себе вообразить). И тогда убийство Алены Ивановны Раскольниковым — это его пощечина неспособному Богу, он словно говорит: Господь, Ты плохо распоряжаешься средствами, я заберу их себе и сам буду распоряжаться ими. А Господь подставляет ему вторую щеку в лице Лизаветы. Так что мы с Вами здесь в одно слово просто.

¹² Имеется в виду: [«Братья Карамазовы»: современное состояние изучения, 2007].

¹³ Имеется в виду: [«Подросток»: современное состояние изучения, 2022].

И я, конечно, совершенно с Вами согласна, что литература — это для жизни, для жизни она и должна преподаваться — а не как некая история, воспринимаемая отстраненно и эстетически. Она для жизни — и если мы не начнем ее преподавать так, чтобы она была нужна для жизни — она просто уйдет.

Катерина Корбелла. Я хотела немного поделиться свежим опытом на тему того, что литература нужна для жизни. У меня особая ситуация — потому что с одной стороны я не учитель, преподаю итальянскую литературу, а о Достоевском меня иногда просят рассказать в школе мои друзья, которые там работают. И недавно у меня была беседа в общеобразовательной школе, с одиннадцатиклассниками, по поводу «Преступления и наказания». И случилось очень интересные вещи, о которых я попробую рассказать, случились они еще и потому, что когда я, иностранка, пытаюсь донести какие-то вещи до русских школьников — они понимают то, что я говорю, наполовину в лучшем случае. И тут я повторяю сказанное раньше (оно мне очень понравилось) — важно хотя бы дотронуться до сердца людей, к которым мы обращаемся. Одним из вопросов, заданных вначале, был: какие общие знания мешают нам понимать роман. Я полагаю, что это **мои** общие знания. То есть речь не об общих знаниях учеников, а о моих общих знаниях: у меня есть идея о том, что они могут или не могут знать, и какие у них могут быть вопросы. Но я лучше расскажу, как прошла эта беседа — и будет понятно. Я собиралась показывать образы, что-то рассказать про Соню: класс мне не знакомый. Я прихожу и говорю: ну, преподавателя нет, скажите мне: кто читал роман? Из тридцати человек поднимают руки пять. Кто начал читать — и бросил? Еще пять. Кто читал краткое содержание? Весь класс. А потом два мальчика говорят: мы только по рассказам учителя что-то знаем. А я понимаю, что у меня две лекции — полтора часа, с ними нужно говорить — и о чем с ними говорить в такой ситуации? Сложный был момент. И, что интересно: оказалось очень важным прибегать именно к тексту. Слава Богу, я попросила, чтобы все принесли на лекции текст — и мы начали смотреть какие-то моменты, в связи со своим докладом на ближайшей конференции я хотела рассмотреть образ Сони — и мы начали смотреть, как она появляется у Мармеладова первый раз и т.д. Потом я понимаю, что теряю половину группы — и начала говорить о теории Раскольникова, надеясь, что мальчики хотя бы проснутся. И было очень интересно — я сейчас

это часто вижу, и это уже начиналось в моем поколении — изменение отношения к авторитетности: я не могу ничего сказать на основании только моего авторитета — из-за того, что я знаю больше, что я работала больше с этим текстом (о котором большинство из них почти ничего не знает): они этого не воспринимают. И я понимаю, что с одной стороны это плохо — для них же самих плохо, потому что они потерялись в этом отсутствии доверия, но для себя как для преподавателя я ощущаю это как большую возможность. Потому что я каждый раз должна идти вглубь того, что я говорю им, и найти новые способы быть убедительной. И тут тоже интересно, потому что, с одной стороны, я очень часто вижу, что могу им передать лишь капельку того, что я подготовила, но вся эта подготовка — даже если я ее не передала — она мне вся нужна, чтобы найти способ вот эту капельку передать. Когда мы говорили про теорию Раскольникова, меня очень сильно удивили. Потому что там девушка, одна из тех, которые читали роман, говорит, ну вообще-то для простых смертных теория Раскольникова не работает, но для правителей — да, иначе не существовала бы история. А я не ожидала от нее такого — она хорошая девушка. Меня очень сильно это поразило: у меня никогда не было таких мыслей, но когда тебе начинают упорно говорить: да, в истории всегда так было, вот, Наполеон... тогда тебе надо докопаться в тексте и поставить вопрос так, как он стоит перед этим человеком (как я ее на этом этапе понимаю): вот, два пути: принести в жертву другого или принести в жертву себя самого для изменения мира — что реально двигает историю? Какова ценность жертвы Сони как ключ к продвижению истории — ведь она стоит больше, чем все громкие завоеватели мира. И началась очень интересная дискуссия, и у них было в мыслях, что Соня — женщина легкого поведения, и я прочла им про воротнички¹⁴. Я взяла текст, взяла мальчика

¹⁴ Имеется в виду сцена: «— Это вы-то жестокая? — Да я, я! Я пришла тогда, — продолжала она плача, — а покойник и говорит: “прочти мне, говорит, Соня, у меня голова что-то болит, прочти мне... вот книжка”, — какая-то книжка у него, у Андрея Семеныча достал, у Лебезятникова, тут живет, он такие смешные книжки всё доставал. А я говорю: “мне идти пора”, так и не хотела прочесть, а зашла я к ним, главное чтоб воротнички показать Катерине Ивановне; мне Лизавета, торговка, воротнички и наруканнички дешево принесла, хорошенькие, новенькие и с узором. А Катерине Ивановне очень понравились, она надела и в зеркало посмотрела на себя, и очень, очень ей понравились: “подари мне, говорит, их, Соня, пожалуйста”. **Пожалуйста** попросила, и уж так ей хотелось. А куда ей надевать? Так: прежнее, счастливое время только вспомнилось! Смотрится на себя в зеркало, любит, и никаких-то, никаких-то у ней платьев нет, никаких-то вещей, вот уж сколько лет! И ничего-то она никогда ни у кого не попросит; гордая, сама скорей

с последнего ряда, чтобы он читал и проснулся, и мы читали, и я им сказала — ну, подумайте, женщины это точно могут понять: у вас было великое прошлое, красота, танцы, сейчас у вас муж-пьяница, дети умирают с голоду, вы попросили воротнички — и вам говорят: а вам на что? Я все это говорю, поворачиваюсь — а там девушка в слезах. И я понимаю, что она это почувствовала, почувствовала, почему Соня говорит, что она великая-великая грешница против любви. И последний момент по поводу христианства. Потому что Достоевского без христианства не понять. А я спрашиваю у класса: кто-то заметил, что там про Лазаря? Никто не заметил! А вы знаете, кто такой Лазарь? Никто не знает. И плюс — я это вижу со студентами, которые постарше, которые православные, верующие — у них (это то же, что с авторитетом) — у них не горит вопрос, что значит по-христиански прожить жизнь. И я не могу на этом уровне зайти — у них нет интереса. Но когда они понимают, что тут человеческая боль и желание человека менять мир, и что такое история и человек внутри истории — то они реально чувствуют, что здесь что-то интересное. И когда мы дошли до этого момента, что есть два пути: жертвовать другим или жертвовать собой, и что это такое — жертвовать собой, и что Соня как Христос — и тут мне пришлось рассказать, Кто такой Христос и что сделал Христос для человека. И это они чувствуют. Потому что даже если ответ этот от них далек, то вопрос они все способны почувствовать. И мальчик, который вначале мне сказал, что он знает роман только по рассказам учителя, в конце мне сказал: было интересно, приходите еще. И это была моя самая большая победа, потому что всю первую половину лекции я видела, что просто его теряю. И мне важно было поделиться этим опытом, потому что я думаю, что чем дальше, тем меньше, даже и в вузах, будет того, на что можно будет опираться как на общее знание, и все меньше можно будет опираться на авторитет. Придется все предъявлять с очевидностью.

отдаст последнее, а тут вот попросила, — так уж ей понравились! А я и отдаст пожалела, “на что вам, говорю, Катерина Ивановна?” Так и сказала, “на что”. Уж этого-то не надо было бы ей говорить! Она так на меня посмотрела, и так ей тяжело-тяжело стало, что я отказала, и так это было жалко смотреть... И не за воротнички тяжело, а за то, что я отказала, я видела. Ах, так бы, кажется, теперь всё воротила, всё переделала, все эти прежние слова...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 244–245]. О том, какая огромная смысловая нагрузка планировалась Достоевским в этой сцене см. главу «“Я великая, великая грешница...”»: богословие греха в “Преступлении и наказании” и “Идиоте”» в: [Касаткина, 2023].

Татьяна Касаткина. Спасибо большое, Катерина, здорово, что это совсем свежий опыт. И ты замечательно сказала, что в ситуации, когда люди не знают, кто такой Лазарь (а я помню, как мы это читали в школе **до** знакомства с Евангелием, и как эта сцена просто пропадала, выпадала из восприятия, ее невозможно было увидеть, она исчезала, потому что ей не за что было зацепиться в головах, а акцент преподавателем ставился совсем на другом) — в такой ситуации бесполезно пытаться начинать проповедь, начинать нужно с комментария. То есть — важно дожидаться момента, когда они все-таки захотят спросить, а что это за Лазарь и причем он здесь — и тогда-то все и начнется. Я хочу напомнить фразу Достоевского из черновиков, в которой он описывал общую историю: «Только то и крепко, где (подо что) кровь протечет». Только забыли негодяи, что крепко-то оказывается не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь прольют. Вот он — закон крови на земле» [Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 46]. И если мы посмотрим на историю человечества — то это оказывается неизменно оправдывающимся суждением: крепко оказывается у тех, чью кровь проливают.

Ольга Меерсон. В «Бесах» есть аналогичная ситуация: Ставрогин говорит Лизе: я за эту ночь жизнью заплатил. А она спрашивает: чьей жизнью?

Татьяна Касаткина. Да. Но вот эта фраза из черновиков, она позволяет посмотреть на всю историю с точки зрения того, чью пролили кровь — и у кого в результате оказалось крепко. Кого помнят спустя несколько веков (скажем, Яна Гуса — или его судей?), а кого забыли давно; кто вошел, как говорит Достоевский в «Маша лежит на столе...» (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 172–175]) в плоть и кровь человечества, а кто из нее исторгнут забвением.

Ирина Евлампиева. Я благодарна всем за это методическое и научное пиршество трехдневное, потому что если говорить о том, откуда брать материал для уроков, и откуда я, например, его беру — то я как раз беру... ну, как-то так получилось, что Старорусские сборники, книжки, которые издаются Татьяной Александровной, они все идут в «бульон», происходит накопление, которое потом выстреливает, потому что мне кажется, что невозможно каждый раз, с каждым классом одинаково начинать роман «Преступление и наказание». Мне в какой-то мере повезло, что я работаю сейчас только в старших классах, в десятом и одиннадцатом, и это, с одной стороны, очень трудно, а с другой — перед Достоевским там есть

еще Тургенев, есть Гончаров, есть поэзия (Некрасов), и я часто уже начинаю понимать своих новопришедших учеников, понимать, как нужно **именно им** начать преподавать — но иногда все равно начинаю совершенно неожиданно. У меня было много разных начал: например, начать с начала, с первой страницы. Если роман прочитан, то иногда мы начинали с эпилога. Но сейчас все меньше тех классов, где роман прочитан. В прошлом году я была новой учительницей в классе — и роман не был прочитан ни у кого («новая учительница — зачем читать»: они обычно очень ориентируются на учителя). А в этом году мы начали с того, что представили, что могли знать читатели XIX века. Мы, например, выяснили, что они знали латинский и греческий язык, они знали Ветхий и Новый Завет, потому что их учили в гимназиях: роман «Преступление и наказание» безграмотные не читали. И после того, как мы такую модель сочинили, мы стали говорить о фамилиях и именах. И они стали их переводить и составили большую таблицу — и тогда то, что имена и фамилии даны героям не случайно, стало очевидно и обращать внимание на их значение стало естественным. Нужно учесть, что мы читали последовательно, потому что до начала изучения роман прочитал один человек — и я боялась за нее (что ей станет неинтересно), но потом мы решили, что она будет у нас экспертом, вместе со мной, и у нее было право первого ответа, то есть она могла ответить, а могла подождать, пока ответят другие, и сказать: а мне не пришло это в голову, когда я читала. И мне очень понравилось, когда в какой-то момент они сказали Ульяне (прочитавшей девочке): так, только без спойлеров! Сейчас ты молчишь, потому что дальше нам нужно читать. И когда в классе возникает ощущение, что нужно дочитать и **самим** понять, это продуктивная ситуация, после которой уже можно работать всерьез и любыми методиками.

Что касается того, что нам нужно оцарапать сердце — вы знаете, Федор Михайлович это делает без нас гениально. И когда я боюсь чего-то — я говорю себе — нужно верить тексту, он помогает. У меня есть одна девочка, она сказала, что Достоевского читать не будет, потому что ей сказали, что она может заплакать, а она не хочет тратить свою нервную энергию на литературу. У нее и так трудная жизнь. И она не читала урока три-четыре, покуда дети не стали говорить о первом сне Раскольникова. И она написала мне в чате: из-за вас я плакала весь вечер, дальше я буду читать. А мне казалось,

что это безнадежно, потому что она груба, невоспитанна, ведет себя вызывающе и меня страшно не любит. Но здесь оказалось, что дело не во мне, и когда они с Достоевским нашли друг друга — я уже оказалась помощником. Та же ситуация была, когда мы читали сцену Сони и Раскольникова, почему — потому что, к сожалению, после того, как в школе начали преподавать основы православной культуры, мне стало очень тяжело работать. К десятому классу они уже не переносят слово «православие» и совершенно не хотят ничего об этом слушать. Поэтому очень постепенно приходится подходить к тому, как это все серьезно — и **это все про нас**. Сегодня об этом уже говорили — и я очень благодарна тем, кто об этом говорил. Мы читали целиком главу и долго потом молчали. И после романа они стали к этому по-другому относиться. По крайней мере, когда они стали говорить о Разумихине — а мы тоже много говорили о Разумихине — кто-то из них сказал: а что, Разумихин тоже атеист? Как Раскольников? Этого же не может быть, наверное? Я говорю: давайте посмотрим в тексте.

Тут еще возникла история — когда они писали последнее сочинение, без всего, без телефонов — только текст и они, и нам дали четыре часа времени в школе. Они очень много перечитывали текст. И девочка, которая писала о Разумихине, она в конце написала: а что говорить? Что бы было без Разумихина? Кто бы их всех вразумил-то? И тот вывод, который они сделали по поводу силы Раскольникова и силы Сони, меня поразил до слез. Девочка написала, что у Достоевского, наверное, нужно всегда смотреть вглубь. Нельзя ничего слушать: слушать Раскольникова вообще нельзя, потому что он про Свидригайлова все неправильно понял из письма, а Достоевский все правильно понял и нам объяснил. Свидригайлов не такой — а мы его понимаем по Раскольникову. А надо понимать по Достоевскому. И поэтому Соня, она больше всего понимает, поэтому она сильная. Раскольникову же надо всех изумлять.

Мне показалось, что постепенный ход и обращение к героям — это и микроанализ тоже. Я очень благодарна обеим Татьянам Александровнам, которые говорили про «нарезался» и «нахлестался». У нас был такой совершенно удивительный эксперимент, когда дети прочитали сами и стали об этом говорить, а потом я их познакомила с выдержками из ваших статей — и это было хорошо. Поэтому я абсолютно согласна, что нужно соединяться с наукой — и только когда будут вместе Достоевский, во-первых, и наука и учитель, во-вторых,

дело пойдет. А без «Преступления и наказания» дети не могут. Без него они дальше и Толстого не поймут. Спасибо.

Татьяна Касаткина. Спасибо большое, много ценного было сказано. Я хочу подчеркнуть, что про «нарезался» говорили многие, это замечается легче, а вот идея, совершенно очевидная — и совершенно невероятная по масштабу открывающегося смысла: провести линию от «нарезался» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 70] до «нахлестался» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 405] в высказываниях петербургского люда о состоянии Раскольникова принадлежит всецело Татьяне Александровне Боборыкиной [Боборыкина, 2023]. Это она сделала — и кроме нее, насколько мне известно, этого не сделал никто. Если дети начали это замечать при обсуждении романа — это прекрасно. Я хочу сказать также, что я с горечью услышала, что дети не хотят слышать о православии после введения курса основ православной культуры. Это, конечно, было вполне ожидаемо, но от этого все равно не менее грустно. И я думаю, что, к сожалению, мы с этим ничего не можем поделать, можно только пытаться как-то компенсировать это на уроках литературы.

Ольга Меерсон. У меня куча всяких соображений и идей, конечно, потому что очень интересно вас слушать — но мне бы хотелось попробовать убить двух зайцев из перечисленных вопросов. А именно: зачем эпилог? — и как вводить информацию о биографии Достоевского? Мне кажется, что как раз биография Достоевского очень многое объясняет в эпилоге, а эпилог очень многое объясняет в его биографии. Я не помню, какой это был год, кажется, я была в тот год в Москве и читала про жертвоприношение Исаака в эпилоге и про то, как Раскольников садится на бревна, а рядом готовят дрова, чтобы топить печь¹⁵. И там интересно — это я сейчас рассказываю по поводу преподавания: я спросила у студентов — хорошо, есть ли такой момент, когда Раскольников не просто признаётся, но раскаивается в эпилоге? И это такое странное место, обращающее на себя внимание своей немотивированностью: там идет речь о времени Авраама и стад его, и его размышления там какие-то такие, импрессионистские. Но он внезапно встает совершенно другим человеком. «Возле него очутилась Соня...» — и все изменилось. Когда мы с ними говорим — я спрашиваю: как у него произошло это перерождение и обращение? Оно произошло так же,

¹⁵ См.: [Меерсон, 2013], [Меерсон, 2019].

как его прежние рассуждения, или как-то по-другому? Посмотрите, там через абзац сказано, что «вместо диалектики наступила жизнь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 422], то есть отменяется вся его диалектика, остается жизнь. И там возникает интересная картина, потому что как только я сказала: посмотрите, что прошло и что осталось? — они немедленно ответили: конечно, он всю жизнь / весь роман рассуждает диалектически — а тут вдруг это все отменяется. И это как-то связано с его непосредственным экзистенциальным опытом: он сел на бревна одним человеком, а встал другим, при этом он смотрит на какую-то картину, как ему кажется, из жизни Авраама, а еще он говорит: «в остроге, **на свободе**» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 417], в общем там множество всяких парадоксов происходит. А кроме того, говорю, смотрите (тут мне пришлось основательно комментировать, поскольку никто не отражает точно русского текста в переводах): сказано, что была **устроена** печь для обжига алебастра [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 421]. Потом я им рассказываю, что в русском синодальном переводе Макария сказано, что Авраам **устроил** жертвенник, и что слово это обычно не применяется для построек или конструкций, а применяется для какой-то аранжировки более глобальной — но это слово не высокое, не церковно-славянское, а появляется именно в синодальном тексте — и как вы думаете, если слово в таком сочетании редкое и немного странное — почему оно здесь появляется? И тут начинаются вопросы: откуда Достоевский мог знать, что мог чувствовать Исаак? Ну как откуда? Вы же знаете, что он пережил собственную смерть? И вот тут начинается: они вспоминают и об эпилептических припадках Мышкина в «Идиоте», и так далее. То есть у них уже возникла идея о том, что по-настоящему можно понять **жизнь Достоевского через его поэтику** — а не наоборот! И мне показалось, что это очень важный момент.

А в самом же тексте, при микроанализе или пристальном чтении очень важно спотыкаться о непонятное. Почему так важно задавать этот вопрос: потому что все думают, что у нас тут такой раскаявшийся грешник *ex machina*. Вот он вдруг встает совершенно другим человеком — и все. Если не обратить внимания на этот подтекст. Почему еще это так важно: я об этом говорила уже, но сейчас я это обсуждала со студентами, они спрашивают: ну хорошо, а почему именно через опыт Исаака? Я говорю, смотрите: вся великая идея Раскольникова заключалась в том, что ради великой идеи

можно пожертвовать жизнью. То, что это жизнь чужая, а не его, он обнаруживает, только когда переживает нечто подобное собственной смерти. Он занимает положение другого героя и как бы симпатически проигрывает его роль. Он этого, может быть, не понимает, но поскольку он все же подумал про Авраама, он уже включился в совершенно другой модус. И тут выясняется, что главный крах всей его диалектики, всех его рассуждений состоит именно в том, что она слишком объективна, слишком безразлична к тому, чьей ты жизнью жертвуешь: собственной или чужой. Она слишком безразлична к разнице между головным и пережитым, то есть в ней кровь по совести потому, что в ней все вообще диалектично. И он не может выйти из этого плена, этого заколдованного круга и клинча без того, чтобы не упразднилась сама диалектика. То есть ему обязательно нужно переключиться в какой-то модус личного опыта. Но когда эти вопросы начинают задавать студенты — это уже совсем другая ситуация, чем когда я про это статью писала, как отметила только что Татьяна Александровна. Потому что это стало насущным.

И вот тут оказывается очень уместно говорить с ними о биографии Достоевского. Потому что Достоевский протаскивает Раскольникова — как бы для того, чтобы опровергнуть его идею и дать ему возможность покаяния — он протаскивает Раскольникова через опыт, который был реален не только для Исаака в Библии, но для него самого, для автора романа! И поэтому то, о чем иначе бы он говорил так, что мы бы ему не поверили — он закодировал в тексте таким образом, что это оказывается именно опытом, а не рассуждениями. Но для этого ему нужно это описывать и ни в коем случае самому не пускаться ни в какую диалектику. Удивительно, как здесь работает умолчание. Но меня поразило, что как только для студентов стало что-то непонятно, они стали обо что-то спотыкаться — все эти идеи стали насущны, они стали приходиться им сами. Поэтому, с одной стороны, совершенно верно, что неважно, откуда начать преподавать, потому что этот клубок потянешь за нитку — и он начнет разматываться. А с другой стороны — главное — нащупать то, где они проехали на автомате и где нужно их остановить и заставить усомниться в понятности того, что им кажется понятным. Все начинается с микроанализа — но потом биография самого автора оказывается не просто актуальной, но императивно необходимой, для того чтобы понять, что произошло, почему это опыт, а не головные рассуждения.

Татьяна Касаткина. Спасибо огромное, по-моему, это блестящий пример того, когда биография автора вплетается как **необходимое** в анализ текста. Я про эпилог хочу добавить, потому что в эпилоге Достоевский делает что-то потрясающее по глубине богословского истолкования. Я, кстати, думаю, что действительно можно с проявившегося образа Исаака начинать в эпилоге и разворачивать анализ назад, потому что на пути к образу Исаака происходят еще разные вещи, которые мы тоже пролетаем не вдумываясь: ну, понятно, что если вопрос «нужен ли эпилог» регулярно возникает, то мы их не прочитываем. Но там нужно очень концентрированно — и при этом на фоне романа, потому что без учета этого фона ничего нельзя понять — проговаривать некоторые вещи. Вот тот момент, который я уже упоминала, и который берется через аллюзию на жертвоприношение Исаака: «Он никогда не говорил с ними о Боге и о вере, но они хотели убить его, как безбожника; он молчал и не возражал им. Один каторжный бросился было на него в решительном исступлении; Раскольников ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула. Конвойный успел вовремя, стать между ним и убийцей — не то пролилась бы кровь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 419]. Мы можем это в нескольких вариантах восприятия прочесть, потому что Достоевский здесь, как всегда, дает розу возможных интерпретаций. Потому что, с одной стороны, это происходит после того, как Раскольников, незаметно для себя, но заметно для читателя, цитирует Свидригайлова, говоря: «совесть моя спокойна» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 417]. И тогда то, что здесь происходит, — это, по сути, самоубийство чужими руками. Но на самом деле максимально довлеющий этому тексту контекст — это убийство Раскольниковым Лизаветы. Потому что там как раз подробно сказано о том, как она **не стала сопротивляться**. Она не стала сопротивляться, но вытянула вперед руку, далеко не подняв ее до лица. В декабре, читая лекции учителям в Великом Новгороде в рамках семинара «Что нам делать с этим странным текстом?», я показывала, что Достоевский здесь воспроизводит иконографический жест святого, видимый, например, на иконе св. Глеба, называемый «ладонь праведника». В словах: «Она только чуть-чуть приподняла свою свободную левую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее к нему вперед» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 65], — Достоевский его точнейшим образом описывает.

Ольга Меерсон. На иконах Благовещения есть такой жест.

Татьяна Касаткина. Да, часто есть и на иконах Благовещения такой жест — и там (как и в случае «ладони праведника») его тоже можно прочесть как жест принятия опасной и угрожающей, нежеланной по земным меркам и в земном измерении, но великой в духовном плане судьбы. Но я сейчас о том, что Лизавета сделала хотя бы один жест, «как бы отстраняя его» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 65]. А Раскольников здесь не делает вообще ни одного отстраняющего жеста: «Раскольников ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 419]. То есть он в своей готовности принять то, что ему инкриминируют, и понести за это наказание, в этот момент превосходит Лизавету. Ну, хотя бы по одному параметру. И тогда становится возможным вот это откровение там, где время остановилось и не прошли еще века Авраама и стад его. То есть — важно, что Достоевский своего героя проводит не только через символическую жертву: Исаак — это символическое подтверждение уже явленной им реальной готовности. Там сказано: «Конвойный успел вовремя, стать между ним и убийцей — не то пролилась бы кровь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 419], то есть его решимость очень серьезна. Он должен пройти через эту несимволическую готовность, чтобы потом могли посыпаться, как благодатный дождь, все эти образы и соотнесения.

Ольга Меерсон. Можно еще одну вещь сказать мне в ипостаси литургиста? Дело в том, что там очень важна литургическая рамка, крайне важна: что это происходит после Пасхи, и Раскольников не совсем понимает происходящее: он вдруг встал и оказался жив, хотя перед этим совсем помирал (подобная ситуация в «Чевенгуре» Платонова есть — и тоже никак не мотивированная). Дело в том, что в литургическом контексте, который здесь очень силен — там обычно нет спекулятивного. Там просто есть описания и соположения каких-то сцен. И для Пасхи крайне, на Великую Субботу среди 15 паремий Ветхого Завета, крайне важна паремия о жертвоприношении Исаака. Почему — потому что иначе просто непонятно: если Бог просто испытывает Авраама — это слишком жестоко, если ждет от него послушания — это слишком механистично. А если это откровение от Отца к отцу — это совсем другая ситуация. И в контексте Погребения, Сошествия во ад и Воскресения это понимается именно так. Но самое главное, что все эти вещи здесь задействова-

ны. При том — какая главная функция литургической жизни? Она тоже отменяет диалектику. Вместо рассуждений остается *опытное* проживание. Спроси у любого православного какую-нибудь цитату вроде «всякое даяние благо» — он скажет, что это отпуст на литургии, и никто не сошлется на послание Иакова, и т.д. Все будут цитировать стихи из псалмов как прокимны, потому что непосредственное соприкосновение наше, со Священным Писанием тоже, оно именно из литургического опыта. То есть это противопоставление того, что может быть откомментировано — или поэтически выстроено: выстроен виртуозно весь роман сам, вплоть до эпилога, потому что проживается хребтом, даже, может быть, без достаточной рефлексии. Мне кажется, что это — язык эпилога, он полностью меняется. И даже когда описываются сны — то там тоже мало спекулятивного: вот так или вот так — выбирай. И выход из этого тоже не может быть спекулятивным, потому что все спекулятивное для героя оказалось пленом, значит выход для него должен быть какой-то иной природы.

Татьяна Касаткина. Спасибо! И характерно, что Достоевский прямо переходит на литургическое время в эпилоге. Потому что есть разные, достаточно интересные работы о том, как время романа соотносится с разными литургическими датами и контекстами, но там это все, в лучшем случае, в подтексте (потому что в худшем — в голове исследователя только). А в эпилоге Достоевский совершенно открыто переходит на литургическое время, и он именно через его посредство начинает отсчитывать время эпилога (на второй неделе Великого поста, конец поста и Святая, вторая неделя после Святой). И последний сон Раскольникова оказывается — вопреки всем последовательностям снов в романе — как раз о том, что делает диалектика с людьми. Потому что каждый из людей в сне Раскольникова несет свою мысль, свою истину — и именно эту *свою* истину он искренне хочет, ради блага всего мира, воплотить немедленно в жизнь *как общую для всех*. И именно из-за этого происходит полное людоедство. Кстати, когда я закончила читать «Физиологию обыденной жизни» Льюиса (ту самую, которая стала одним из источников образования Сони Мармеладовой) — то обнаружила, что она завершается практически сном Раскольникова. Потому что Льюис там торжествующе сообщает, что раньше ученые старались найти жизненный центр всякого организма, а теперь они пришли к пониманию того, что весь организм человека — это совокупность

жизненных центров (клеточных), которые никогда не могут быть сведены один к другому. И получается разлагающееся тело человека и разлагающееся тело человечества: когда каждый жизненный центр не увидел себя на своем месте и в составе целого, а увидел себя как точку / момент абсолютной истины, которая должна стать определяющей жизненный путь для всех остальных. И вот можно представить себе, что клетка печени бежит к остальным (клеткам глаза или мозга, например) с криком — я знаю наверняка, я несомненно чувствую в себе мой закон — вы должны ему последовать — и будет счастье! Она несомненно права — она знает и чувствует свой закон, но у клеток глаза закон другой, и организм выживет, только если каждая группа клеток будет следовать своему закону, не пытаясь навязать его остальным. При сочетании контекстов то, что кажется не вполне понятным, насыщается очевидными примерами: поэтому у Достоевского, конечно, нет ни одной книги, упомянутой в тексте, которая упомянута была бы тщетно. Этот последний сон в свете Льюиса набирает свою жизненность дополнительно. Но в принципе он и сам вполне сочен. Человек приходит к другим, искренне стремясь принести им свое самое дорогое, то, что он открыл в себе как свой жизненный принцип, самое важное, свой уникальный дар миру — и в результате этого взаимного стремления навязать друг другу свои дары происходит взаимоуничтожение и людоедство — потому что закон единицы начинает преобладать, пересиливать закон целого.

То есть эпилог — это мощная вещь, где концентрированно представлен принцип письма Достоевского, когда множество, масса разных контекстов оказывается запрятана в короткие отрезки текста / элементы сюжета, создающиеся на скрещении этих контекстов. И если этого не увидеть, то, конечно, будет возникать вопрос, что это за ни на что не похожую ерунду он в конце написал.

Николай Капустин. Я начну с вопроса, нужно ли изучать роман «Преступление и наказание» в школе. Я вчера обратился не к школьникам, а к своим друзьям: мы должны были играть в футбол, а я им написал, что не приду, потому что я на конференции о Достоевском — и поставил перед ними вопрос, нужно ли изучать «Преступление и наказание» в школе. По возрасту это выпускники советской школы, около шестидесяти. Мнения разошлись. Один сказал: «Как же не изучать?» А другой сказал: «Не надо. Это сплошной пессимизм. Тяжелый текст, не надо детям забивать

голову. Детей надо учить жить и любить, а не с помощью топора проверять теорию избранности индивида». Я ответил второму, что Достоевский как раз об этом, о «жить и любить», и потому думаю, что первый голос должен все же возобладать. И я бы начал уроки с первого сна Раскольниковова, с того шока, который читатель испытывает, глядя на забиваемую лошадь. От этого легко оттолкнуться и в плане эмоциональном, и в плане сюжетном. Мне кажется, что высочайшее эмоциональное напряжение романа очень важно, и его не стоит ослаблять заданиями, сразу переводящими нас в сферу логики и философии.

К чему вести? Я сейчас процитирую вам место из статьи Вадима Валериановича Кожина, опубликованной в сборнике «Три шедевра русской классики» [Кожин, 1971], на которую некоторые учителя могут еще и сейчас опираться. Вот это место: «Идея» Раскольниковова, его “правда”, разумеется, не есть “правда” Достоевского <...> С одной стороны, Достоевский считает, что “преступление” ведет к тяжелейшим последствиям и даже гибели, с другой же, — он утверждает внутреннюю правоту “преступающего” героя» [Кожин, 1971, с. 164].

Я думаю, что когда Кожин писал эти строки, он находился под сильным воздействием идей М.М. Бахтина о равноправии сознания автора и героев. А с моей точки зрения, при всей диалектике, которая есть у Достоевского (как есть она и у Пушкина, герой которого совершает первое философское преступление в русской литературе: я имею в виду Сальери), точка зрения Достоевского не такая сложная, как ее под влиянием Бахтина обрисовывает здесь Кожин (при всем уважении к его тщательной работе).

Я вернусь к докладу Людмилы Ивановны Сараскиной, который явился своеобразной заповкой этой конференции. Дело в том, что Разумихин выводит на очень многие смыслы в романе: главное, он выводит на концепцию **обыкновенного** у Достоевского. И оказывается, что аксиология обыкновенного у Достоевского близка в чем-то аксиологии Пушкина. Я вспомнил отклик Марины Цветаевой (романтический тип сознания) о Гриневе. Для нее Гринев, в общем-то, ничтожество, посредственность. А Людмила Ивановна начала с внутренней полемики с кем-то из достоевистов, который назвал посредственностью Разумихина. Но посредственность и обыкновенность — не одно и то же. Это, между прочим, Чехов в «Черном монахе» ошибку Коврина, магистра, показал. Коврин думает, что

обыкновенный человек — это посредственный человек. А для Чехова обыкновенный — это отнюдь не посредственный. И через это обыкновенное многое можно высветить — и мне кажется, две темы сочинения, по крайней мере, тут вырисовываются: обыкновенное — и обыкновенные — в романе «Преступление и наказание». Сюда многие персонажи попадут, в том числе и Разумихин, конечно. Но тут можно говорить и о двух ликах обыкновенного. Скажем, Разумихин — обыкновенный в самом хорошем смысле этого слова. А Лужин — обыкновенный, но это другая грань обыкновенного, другой аспект, может быть ассоциирующийся у Достоевского с гоголевским Пироговым. Пирогова, как известно, Достоевский считал едва ли не мировым типом.

Последнее, о чем я хотел бы сказать. Хотя мне никогда не приходилось читать курс второй половины XIX века и Достоевским я со студентами не занимался, но какие-то занятия я проводил — а вчера перед женой даже поставил этот вопрос: а Раскольников мучается совестью? Или он мучается оттого, что под разряд не подошел? Я думаю, что мучается совестью, все-таки. Как это происходит у него? Несмотря на то, что он скажет: «совесть моя чиста», муки начинаются сразу после убийства, когда он ощущает, что не может общаться ни с кем, начинает ненавидеть мать, Дуню, других. Мне кажется, это все же голос совести.

Татьяна Касаткина. Спасибо большое, и спасибо, что Вы затронули эту важную проблему совести, потому что те преподаватели, которые написали, что это фактическая ошибка, все же были более чем в своем праве. Потому что если мы будем ориентироваться на то, что в романе написано прямым текстом — мы увидим, что это таки и есть фактическая ошибка. Но — дело в том, что в романе есть один момент, когда про Раскольникова сказано: «точно угрызение совести вдруг начало его мучить». Это очень интересный момент, я сейчас прочитаю это место. Потому что вот Ольга Анатольевна Меерсон сказала о том, что есть «заболтанная совесть» — то есть совесть, которую заговорили так, что она перестала реагировать на происходящее, а здесь мы видим прямо перевернутую совесть — потому что вот в какой ситуации эти слова Раскольниковым сказаны: начинается мутное время — в отличие от эпилога, структурированного литургически, — время, когда он не помнит, что за чем происходило, были ли события, которые он считал причинами последующих событий, в реальности, или их не было, или это был

мираж, то есть все, бывшее с небывшим, начинает смешиваться, и в этот момент происходит следующее: «В одной харчевне, перед вечером, пели песни: он просидел целый час, слушая, и помнил, что ему даже было очень приятно. Но под конец он вдруг стал опять беспокоен; точно **угрызение совести вдруг начало его мучить**: “Вот, сию, песни слушаю, а разве то мне надобно делать!” — как будто подумал он. Впрочем, он тут же догадался, что и не это одно его тревожит; было что-то, требующее немедленного разрешения, но чего ни осмыслить, ни словами нельзя было передать. Всё в какой-то клубок сматывалось. “Нет, уж лучше бы какая борьба! Лучше бы опять Порфирий... или Свидригайлов... Поскорей бы опять какой-нибудь вызов, чье-нибудь нападение... Да! да!” — думал он. Он вышел из харчевни и бросился чуть не бежать» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 337].

То есть вот это угрызение совести, которое он формулирует как «Вот, сию, песни слушаю, а разве то мне надобно делать!», и которое как бы подталкивает его к какому-то действию ради своего спасения от подозрений и от возможного ареста — а на самом-то деле, Достоевский тут же прописывает, что это угрызение совести относилось к чему-то совсем другому, гораздо более глубокому, но только герой не мог с этим никак справиться — и поэтому считал лучшим броситься в любую деятельность, только бы избежать разматывания того клубка, из которого вдруг донеслась эта угрызаящая совесть. Так что у тех, кто хотел бы опротестовать решение о фактической ошибке, на самом деле, есть аргумент — и им можно было бы воспользоваться. На самом деле, есть угрызение совести, совесть работает, но герой в этот момент настолько ее не слышит, что принимает ее голос за побуждение к совершенно другому, противоположному.

Я хотела вас спросить — а Кожинов, он поясняет, в чем состоит эта внутренняя правота героя?

Николай Капустин. В том, что идея возникла не на пустом месте, а вызвана социальными обстоятельствами. Хотя к ним он не сводит.

Татьяна Касаткина. Спасибо вам! Николай Николаевич Подосокорский, пожалуйста.

Николай Подосокорский. Мне очень жаль, что мы заканчиваем этот трехлетний цикл конференций о «Преступлении и наказании», потому что у меня ощущение, что мы только начали. И я напомним

просто, что мы сейчас обсуждаем самый читаемый роман самого читаемого русского писателя. Потому что если спросить в народе, кто главный писатель, назовут и Толстого, и Достоевского, и Пушкина, кто-то назовет Гоголя, но можно обратиться к статистике Книжной палаты: уже много-много лет и по сей день в десятку самых издаваемых авторов из крупных русских писателей входит только Достоевский, все остальные — это Донцова, раньше был Стивен Кинг, еще кто-то из современных авторов — и это, конечно, говорит о его особом месте (я уж не говорю про количество экранизаций и театральных постановок, несопоставимых с другими классиками). И вот у нас была докладчица из Китая — а мне очень нравится, как китайские товарищи поступают со своими великими романами: в частности, у них есть роман «Сон в красном тереме», который породил целую научную дисциплину, ее название по-разному переводят: красноведение или краснология; и я думаю, что «Преступление и наказание» не более простой и не менее значимый роман — и для нашей культуры, и для мирового наследия, который, в принципе, тоже заслуживает и научного института и научной дисциплины — потому что роман бездонный. Сколько раз я его — и в этот раз — перечитывал, и опять сталкивался со словами и местами, которые вообще переворачивают текст, как вот тот бульдог. У кого я ни спрашивал — никто этого бульдога не замечал, но ведь действительно Раскольников почему-то им бредил — он бредил о совершенном преступлении, и все остальное в его бреде понятно и имеет какие-то зацепки — а с этим непонятно ничего. То есть там все время подспудно возникают какие-то двойные, тройные сюжеты.

Мне еще очень близко то, о чем говорила Катерина Корбелла, о человеке внутри истории, потому что этот роман, несомненно, выходит за пределы только литературы. Я тут вижу опасность, — и в филологических исследованиях с этим очень часто сталкиваешься — когда все закручивается, замыкается внутри литературы и литературных влияний в узком смысле. Вот, скажем, с чем я сталкивался в связи с изучением исторических сюжетов и той же наполеоновской темы в «Преступлении и наказании» — практически все писали о влиянии пушкинского варианта наполеоновского мифа, гоголевского, какого угодно, забывая о том, что Достоевский вообще-то был поразительно образованным человеком — и в том же «Преступлении и наказании» присутствует огромный пласт непосредственных отсылок к историческим событиям и трудам.

Я не знаю, насколько считают современные учителя, кто такой Пальмерстон. Или что такое Шлезвиг-Гольштейн. А в романе ведь есть и отсылки и к Крымской кампании, и к Прусской палате — и это все было во времена создания текста на слуху, обсуждаемо, Достоевский это все знал очень глубоко. И конечно, когда он пишет о Наполеоне, нужно понимать, из чего состояла его библиотека, круг чтения, насколько прекрасно он знал биографию не только Наполеона, но и Магомета, и Ньютона, и других, кто в его романе оказался непосредственно упомянут. И я думаю, что здесь — если переходить к проблеме преподавания «Преступления и наказания» в вузе, то стоило бы говорить о спецкурсе не только для филологов, но для учащихся самых разных специальностей, которые могли бы подходить к тексту с самых разных точек зрения — и с юридической, и с исторической, и с религиоведческой — не только с сугубо «литературной», парадоксально подразумевающей, что если вдруг крупный писатель пишет об исторических событиях, то он о них узнал из произведений других писателей. А во-вторых, я все больше убеждаюсь, изучая литературу, что такого рода произведения и вообще произведения XIX века, которые впервые были напечатаны в толстых литературных журналах, невозможно рассматривать вне контекста — то есть без полного чтения, как минимум, всех тех выпусков журнала, в которых они были напечатаны. Достоевский, кстати, в своих письмах постоянно подчеркивает, насколько ему самому важно читать номера журнала, в которых он печатается. И если мы посмотрим внимательно на журналы, где он печатается — и на «Отечественные записки», и на «Русский вестник», то мы увидим, насколько их номера продуманно составлялись, насколько там много схожих материалов. Когда, к примеру, в «Русском вестнике» печатаются главы «Идиота», где речь идет об Апокалипсисе, там же публикуется перевод Майкова из Апокалипсиса; а когда печатается «Преступление и наказание» — тут же выходит и первый том «Войны и мира», и масса материалов о наполеоновской эпохе (разные мемуары, исторические свидетельства) — и это все неизбежно взаимоотражается для читателя номера. И без такого погружения в эти сопутствующие публикации мы очень многое теряем.

И еще — теоретически все знают, что глубокие тексты подразумевают четыре уровня прочтения: исторический, морально-нравственный, символично-аллегорический, анагогический. Но очень часто исторический уровень оказывается опущен: вроде как, здесь

все и так понятно, а мы вот вам сейчас про самое важное расскажем. Но без деталей, без исторических нюансов никакой бы глубины великих романов не получилось. И если мы, допустим, исключим из разговора о романе крайне сложную и противоречивую фигуру Наполеона — и связанную с ним тему наполеоновского мифа — роман станет гораздо беднее.

Напоследок я хотел бы сказать несколько слов по поводу комментария, ведь это тоже большая проблема: как комментировать роман? Мы в прошлом октябре провели конференцию «Книга в книге» и на примере романа «Идиот» обнаружили, что есть огромное количество сопоставительных исследований этого текста с другими, но, как правило, те тексты, которые прямо упомянуты в романе, исследователи почему-то обходили стороной. А ведь то же самое можно сказать и о «Преступлении и наказании». Я приведу только один пример — это фигура Клопштока. Если мы посмотрим комментарий в Полном собрании сочинений, то там будет просто указано, что это такая литературная отсылка к Гоголю, у которого для особого колорита упомянуты Гофман и Шиллер. Но это ведь ничего не объясняет. Понятно, что Достоевский читал «Мессиаду» — и каким-то образом в его романе эта «Мессиада» присутствует. И здесь чтобы нам понять, что именно этот Клопшток делает в «Преступлении и наказании», нужно не только прочитать «Мессиаду», желательно не один раз — но и в каком-то смысле побыть специалистом по Клопштоку. И я думаю, что глубинное понимание романа в подобных случаях будет подразумевать наличие у исследователя многих специальностей. То есть, если ученый пишет о Магомете в романе — то это подразумевает, что он хорошо ориентируется в истории Магомета, в исламе — ну, во всяком случае, на уровне Достоевского, а я повторю, что уровень, масштаб его чтения был гигантским. А еще я очень надеюсь, что мы все-таки эту конференцию по «Преступлению и наказанию» еще как-нибудь продолжим в дальнейшем, потому что мне совсем не хочется закрывать этот проект.

Валентина Борисова. Николай Николаевич, полностью с Вами согласна, что этот контекст нужно учитывать, и вот вспомнила к слову, что в «Санкт-Петербургских Ведомостях» извещение о переводе Корана рядом с объявлением о выходе журнала «Время» стояло. Ведь не мог же Федор Михайлович не обратить внимания что две такие новости рядом.

Людмила Сараскина. А зачем заканчивать заниматься «Преступлением и наказанием»?

Татьяна Касаткина. Дорогие коллеги, речь идет только о том, что в 2024 году мы должны сдать — скорее всего, даже не том, а два тома — издания «Роман Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”»: современное состояние изучения», в связи с чем мы — надеюсь, временно — завершаем цикл конференций, посвященных этому роману. Так что мы очень ждем статьи по докладам участников этой конференции для включения их в готовящееся издание. И мы хотели бы прежде публикации их в этом издании напечатать хотя бы часть статей в нашем журнале «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал», поскольку эти публикации становятся сразу свободно доступны на сайте журнала тем, кто более всех заинтересован в нашей работе — учителям, преподающим «Преступление и наказание» в школе.

Светлана Мартянова. Давайте я продолжу сначала высказывание Николая Венальевича (Капустина): я тоже считаю, что совесть и разговор о совести Раскольникова в романе есть, и, возможно, это не только те фрагменты, где само это слово выговаривается, но и те фрагменты, где речь идет о молчаливой реакции человека, может быть, его психофизиологической реакции. Надо, конечно же, поискать и поработать специально с текстом, но первое, что мне приходит в голову, это разговор с Дуней, когда Раскольников осуждает Дуню за ее решение выйти замуж за Лужина, а Дуня отвечает, что здесь нет ничего особенно плохого, ведь не зарезала же она кого-нибудь. Она нечаянно, сама о том не ведая, упрекает Раскольникова в том, что он скрывает. И похожие вещи, наверное, и еще есть, как, например, в финале: **что-то** вдруг бросило его к ее ногам — что́ это, что внезапно бросило его к ее ногам? Эта сила — она в данном случае не называется.

Второй вопрос, о котором мы все сегодня говорили, это эпилог. Я считаю, что эпилог очень значим, по своей практике преподавания я знаю, что его следовало бы выносить на отдельное практическое занятие, и когда приходится приходиться в школы и работать со школьниками, то мы тоже это занятие обычно посвящаем анализу эпилога. И здесь я согласна с Валентиной Васильевной (Борисовой) и Ольгой Анатольевной (Меерсон), что здесь есть скрытый иконографический сюжет, «Лоно Авраамово», хотя он скорее угадывается, чем реально здесь представлен. Речь идет о грезе Раскольникова,

упоминание об Аврааме введено сравнительным оборотом «как будто», но все-таки присутствует лоно Авраамово, Авраам — отец всех верующих. Очень интересно то, что говорит об этом Ольга Анатольевна в связи с Исааком, сыном Авраама, но я бы сказала, что здесь в эпилоге присутствует и третье лицо, которое изображается в этом иконографическом сюжете. Это Иаков — потому что «семь лет показались ему семью днями»¹⁶ — это, конечно же, цитата из истории любви Иакова и Рахили. Так получается, что все персонажи этого сюжета здесь налицо. Но в то же время важно вспомнить, что сам этот фрагмент «Лон Авраамово» является частью большего сюжета, этот сюжет — «Страшный Суд», который представлен и во всех христианских храмах, и в иконописной традиции, наиболее известны древнерусские иконы Страшного суда с XIV по XVI век. И мне кажется, что если рассматривать эпилог под этим углом зрения, то как раз иконография «Страшного Суда» вводит в эпилог еще и проблемную для Достоевского тему юридического и религиозного суда. Потому что Достоевский понимал, что юридическое наказание мало страшит преступника, и когда мы начинаем читать эпилог, мы в этом убеждаемся. Так же вопрос об Аврааме как отце всех верующих, он, конечно же, актуализирует для нас и ответ на вопрос: а кто сильнее — Соня или Раскольников? Но мне кажется, что здесь Геннадий Юрьевич Карпенко очень хорошо говорил на конференции о том, что у Достоевского очень часто духовная мощь явлена сквозь безвидное и ничтожное. И в этом смысле, конечно, Соня гораздо сильнее Раскольникова, тем более, что в романе Раскольников просто описывается как человек трусливый и дрожащий. Но духовная мощь у Сони проявляется не только потому, что она безвидное и невзрачное существо, но еще и потому, что она проходит, возможно, сквозь самое страшное испытание и искушение, и по-прежнему говорит, что Бог для нее делает все, и когда Раскольников спрашивает ее о судьбе ее сестер, она отвечает, что Бог такого ужаса не допустит. Это очень и очень важные и дорогие слова. И конечно — вернусь к разговору о психофизиологических реакциях, которые очень часто у героев Достоевского быстрее слова — мне кажется, что таких реакций в тексте очень и очень много, это могло бы составить

¹⁶ «Семь лет, только семь лет! В начале своего счастья, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней. Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 422].

предмет отдельной статьи, а, может, и не только статьи. И я бы хотела для Геннадия Юрьевича Карпенко добавить еще одну цитату (часть 5, гл. 3, это как раз бестолковые поминки по Мармеладову): «Соня стояла на том же месте, как без памяти: она почти даже не была и удивлена. Вдруг краска залила ей всё лицо; она вскрикнула и закрылась руками» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 304]. А дальше сообщается о разрывающем сердце вопле.

Спасибо огромное всем организаторам, спасибо огромное за составление программы, все доклады были очень четко разделены по тематическим блокам, все доклады прозвучали... в общем — я участник вашей компании всегда! Спасибо.

Татьяна Касаткина. Спасибо большое! Я, между прочим, сейчас впервые обратила на то, что герои, думающие о предстоящих семи годах как о семи днях, — это очевидная — и, кажется, до Светланы Алексеевны никем не замеченная — отсылка к истории Иакова и Рахили, известное аллегорическое толкование которой говорит о том, что Лия — закон, а Рахиль — благодать. И для того, чтобы будущая благодать пришла, он на семь лет повенчан с законом внутри каторги.

Светлана Мартынова. Почему я сейчас стала говорить о Страшном Суде — потому что Ольга Анатольевна (Меерсон) совершенно правильно акцентирует литургическое время (великопостное) эпилога. И одна из недель Великого поста — это неделя о Страшном Суде. И здесь все концы и начала романа сходятся.

Екатерина Кондратьева. Я очень рада, что меня пригласили на конференцию — я даже не надеялась, посылая свои тезисы, что они могут заинтересовать, потому что я понимаю, какой объем информации существует о романе «Преступление и наказание». И я очень рада услышать оценку работы методической. Спасибо Николаю Николаевичу Подосокорскому за поднятые им темы, действительно, очень часто становится самоценным анализ произведения, и забывается о том, что мы говорим с детской аудиторией, с юношеской аудиторией, и она требует совершенно иного подхода: это та читательская аудитория, которая просто жаждет понять — а для чего все это, и ищет ценности и цену, и примеряет все на себя, поэтому без оценки методической составляющей всех наших изысканий мы проигрываем сражение за души наших детей. И я обратила внимание на то, что мы потеряли в методике преподавания такую важную вещь как комментирование текста, и существование

комментария, потому что преподавание в 70–80-е годы было очень хорошо материально обеспечено такими вещами как комментарий к произведениям. Давайте снимем вопрос идеологической маркировки, но практически весь корпус произведений для старших классов был обеспечен методическими пособиями. А на сегодняшний день все будет зависеть от образованности учителя, от его энтузиазма, желания погрузить своих учеников в текст и дать им направление для личных поисков — а здесь действительно очень-очень важны самые разнообразные комментарии. Понятно, что в академических изданиях все это есть, но это все краткие справки, а нам катастрофически не хватает глубоких, серьезных комментариев. Поэтому мне кажется, что стоило бы искать какой-то вариант именно таких публикаций. И, конечно, мне бы хотелось получить коллекцию методических разработок. Сегодня представлены были гениальные именно **находки** — как сделать в этой, а как в этой ситуации — и этого тоже катастрофически не хватает в педагогических вузах. У меня есть, с чем сравнить — и я вижу, насколько сильно поменялся контингент на педагогических филфаках — и как много не могут и недополучают современные студенты. Поэтому хотелось бы продвижения всех тех сборников, которые существуют в обществе Достоевского — и привнесения их в аудиторию будущих педагогов. Это, как воздух, нужно.

И второе, что меня зацепило: Татьяна Александровна привела цитату: «дело прочно, когда под ним струится кровь», — и мне показалось, что это повод поговорить об окружении литературном. Это ведь прямой диалог и спор с Некрасовым. И мне кажется, что есть еще один, скрытый укол Некрасову — это поручик Порох, который исполняет долг **гражданина и человека**. И почему возникает этот спор — мне кажется, это тоже нужно выносить на обсуждение на занятиях, и не важно, будут ли это десятиклассники или студенты, а студенты тем более должны этот вопрос обдумать на филфаке. И поэтому — я сегодня для себя почерпнула много важного, умного — и мне хочется, чтобы это дошло до как можно большего числа наших коллег. Чтобы было понятно, что это не сотрясение воздуха, не перебирание чисто эстетических, литературоведческих наших запасов, а что это живая жизнь, и творчество Достоевского далеко не для всех предмет оторванных от жизни научных интересов. Это вечная параллель нашей жизни, и, может быть, в этом большее значение его для нас для всех, что мы многие вещи в себе, в своей

профессии, в жизни как строительным отвесом проверяем текстами Достоевского. Еще раз большое всем спасибо, мне было **очень** интересно! Я просто жажду увидеть итоги конференции в виде сборника.

Татьяна Касаткина. Спасибо Вам большое, Екатерина Викторовна, дело ведь вот в чем: что уже и записи этой конференции — они будут, конечно, в интернете, в свободном доступе. Вопрос в том, сколько людей до них дойдет. Мы все опубликуем, вопрос в том, сколько людей до этого доберутся. Вы хорошо очень сказали: действительно, в 60–70-е годы было все очень обеспечено комментарием. Но мы же понимаем, с чем это было связано. Комментарий в ту эпоху обеспечивал единообразие преподавания, то есть то, куда сейчас, на самом деле, движется весь мир — к тому, чтобы работать по протоколам. Врачи работают по протоколам, от которых они скоро уже совсем не смогут отступить в общении с реальным пациентом, и так далее. А там и тогда это было четко сделано с литературой: работать надо было по протоколам, отступление от которых на протяжении долгих периодов было довольно рискованно. Да, это всегда очень поднимает **нижнюю** планку преподавания: те преподаватели, которые без таких пособий вообще ничего были бы не способны дать — они все-таки дают что-то, и порой даже очень немало. Но это одновременно страшно сковывает преподавателей выше среднего уровня. Потому что такая работа по протоколам — она лишает их возможности настоящего разговора, рискованного разговора с классом, уроков, идущих не по наезженной колее.

Екатерина Кондратьева. Нет, конечно, я имею в виду не методические разработки, а именно комментарии, то, чем мог бы пользоваться педагог. Понимаете, степень обеспеченности литературой, и художественной, и научной, понятно, по сравнению с уровнем семидесятых наши возможности — другие. И нам кажется, что раз эти возможности есть — нам не нужно никакое подспорье. А на самом деле оно нужно, потому что это концентрат.

Татьяна Касаткина. Да, я поняла, что Вы сказали, но все равно — тогда даже и комментарий был нормирован.

Екатерина Кондратьева. Да — и мне бы хотелось увидеть другой. На новом уровне. Очень хотелось бы.

Татьяна Касаткина. Спасибо! И, естественно, мы будем пытаться это сделать: но, как вы понимаете, сейчас это все равно будет тонуть в имеющемся изобилии, в этой «помойке» интернета, который очень много помогает и делает много важного, но который

одновременно зачастую заставляет действительно нужное потеться в бесконечном числе предложений. Как сделать, чтобы наши с вами наработки были получены теми, кому они нужны — да практически никак нельзя сделать, потому что учебники и методические пособия — это вещь денежная, доходная. И продвигаться будет то, что приносит доход определенным группам, и именно это будет стоять на полках в школьных библиотеках — а если есть что-то на расстоянии вытянутой руки — загруженный побочными обязательствами массовый учитель не пойдет искать дальше.

То есть — мы можем только *предоставить* (и предоставляем регулярно) — но задача *взять* остается за педагогами и преподавателями всех уровней. А то, что им пришлют, выдадут, и догонят и добавят — это то, что написано, чтобы приносить деньги. То есть важнейшим, как всегда, остается человеческий фактор: учитель, который ищет и хочет, он найдет. Но, несмотря на эти оговорки, спасибо Вам огромное!

Ольга Юрьева. Я решила выступить, потому что, вы помните, Татьяна Александровна, первая тема, которую я вам присылала для этой конференции, была именно о соотношении творчества и биографии. И я, и когда я в школе работала, и в институте, я изучала Достоевского очень долго. Я экономлю на других авторах, на Некрасове, в том числе — и у меня достаточно времени. И у меня много наработано, и оформились плоды этой работы — и я просто хочу поделиться, может быть, кому-то пригодится этот опыт.

Изучение Достоевского я делю на три блока. Почему? Потому что в чем главная трудность? Достоевский в школе у нас падает на детей как глыба, без подготовки. Хорошо, если учителя, работая по специальной программе, в пятом–шестом классе дадут им «Мальчик у Христа на елке», а в седьмом–восьмом — «Мальчики». Но ведь в некоторых программах этого нет. И поэтому с Достоевским они буквально *сталкиваются* (не скажу — встречаются) именно в 10 классе. Точно так же и студенты. Они выходят из школы без Достоевского — и это почти девяностопроцентный факт, хотя уже есть какие-то сдвиги. Поэтому, когда они приходят, я начинаю с ними как будто с нуля.

Первый блок у меня — это лекция. Я это делаю и в школе — и называю это «гастрольная лекция», я выступаю с ней везде, вплоть до тюрьмы (большой успех, кстати, имела). И люди всех специальностей среди взрослых, и ученики школы для пенсионе-

ров (у нас есть такая) ее у меня слушали. Название ее — я заимствовала название у Валентины Васильевны (Борисовой), которая проводила конференцию «Современный Достоевский» — а я назвала лекцию «Современный Достоевский»: все, что нужно знать о религиозно-философских идеях Достоевского. И там и этнолингвистика, и реестр идей, и учение о русской идее, и высказывания о славянах, и о войне, которые как будто вчера написаны, и типология семейства, что очень нужно учителям, и о науке и образовании, о национальном учителе, о новом художественном методе, о феномене миметического поведения, когда художники XX века чувствовали себя героями, вышедшими из романов Достоевского. И, конечно же, о влиянии Достоевского на мировую культуру. Тут я пользуюсь разработками моих коллег и даю ссылки на их статьи, студенты выбирают наиболее себе близких и даже потом пишут по ним работы.

Второй блок — это биография и судьба. Я всегда говорю — *биографию* мы никогда не изучаем, я считаю, что это вообще совершенно тупой ход. Они не запоминают даты, все болтается в сознании совершенно раздельно и без системы. Но — к Достоевскому, как и к Лермонтову тоже, нельзя подойти без осмысления его *судьбы*. И поэтому я начинаю с семейства, отца. Но при этом я им даю задание, чтобы они в интернете в начале работы нашли интересные факты о Достоевском. Они там *такое* находят! И на занятиях мы эти «факты» опровергаем. Конечно, кто-то находит скандальные вещи — но ведь это позволяет говорить о правде! И это очень интересное занятие получается. Мы говорим о биографии и *судьбе*, и для этого не нужно много времени, потом говорим о «Бедных людях», и после, на третьем этапе, они «Преступление и наказание» воспринимают как что-то уже им знакомое; когда я говорю о *романе идею* — у них на лицах написано: «да мы же все об этом уже знаем!». Для них Достоевский становится не «знакомым незнакомцем», а уже своим, знакомым, прочувствованным, воспринятым.

И я для доклада провела специально анкету у своих третьекурсников. Вопрос был: как вы считаете, без каких фактов биографии нельзя понять творчество Достоевского? Они уже знают творчество. Вы знаете, меня поразили анкеты. Одна на десять страниц написала. Другая на пять. И посмотрите, какие они перечислили факты. Самое главное, это — что их заинтересовало и что, они считают, обязательно нужно знать, чтобы понять коллизии его произведений. Это

детство, голубь в церкви, убитая бродягой девочка, дочь повара, отношения с отцом, и что убийство отца так поразило Достоевского, что он через всю жизнь пронес это, и отсюда у него тема отцеубийства. О няне они говорят, о Даровом, о мужике Марее (отношение Достоевского к народу, его восторг). Обязательно — увлечение социализмом, инсценировка казни, каторга. Они пишут: «Если мы не знаем о каторге Достоевского — мы не поймем, чем стала каторга для Раскольникова». Кто-то написал о брате и издательской деятельности (запомнили, что прототип Разумихина и его издательских идей — брат, и издательское дело его). Я им рассказала о борьбе за наследство куманинское, меня очень впечатлили разыскания коллег (Валентины Борисовой и Сергея Шаулова), я была их рецензентом и могу сказать, что эта история читается, как детектив. Студенты это поняли впрямую — что родственники довели Достоевского до смерти. И они конечно же отметили, что Достоевского нельзя понять без Анны Григорьевны. То есть, видите, это комплексное поэтапное изучение работает.

И да, если кому-то нужна моя «гастрольная» лекция «Современный Достоевский» (там еще презентация 100 с лишним слайдов) — я с удовольствием поделюсь и буду рада, если она пригодится.

Татьяна Касаткина. Спасибо огромное, я думаю, мы найдем способ как-то разместить лекцию и презентацию так, чтобы она была доступна для заинтересованных лиц. Может быть, в библиотеке нашего журнала, до которой у нас уже даже дошли руки, и мы начали ее формировать.

Кямаля Умудова. Спасибо большое за предоставленную возможность, я хотела поблагодарить за то, что меня приняли, ведь все же здесь группа больших ученых, которые, некоторые, посвятили всю свою жизнь изучению Достоевского. Я вчера не успела сказать после доклада Фирангиз Пашаевой, которая выразила некоторое изумление, что Достоевского столько переводят в Турции и читают буквально все. Когда наши философы выступают в передачах, они ответ чуть не на каждый вопрос начинают со слов: «Как сказал Достоевский...», что не всегда устраивает ведущих. И я думаю, что чем больше мы узнаем Достоевского как писателя — русского, но и настолько же не русского, то есть, русскость получается указанием на национальность, а он **всечеловечен** — когда я переводила на азербайджанский, я была очень рада найти соответствующее слово, оно буквально значит **«тот, кто касается всего мира»**. Я на

дней пойду на моноспектакль по «Кроткой», поставленный нашими молодыми ребятами. То есть он их тоже касается.

Я чем хотела поделиться, я преподавала в Азербайджане, на факультете с азербайджанским языком обучения, и я думаю, что Достоевский должен быть отмечен в душе человека изначально, как сказали сегодня выступавшие, он должен оцарапать душу. У меня не получилось с китайскими студентами — из 7 человек 5 объявили, что они атеисты — а мне им нужно было говорить о самопожертвовании. Они не понимали, почему Соня так жертвует собой, что такое «от Бога вы отошли» — и так далее. Очень тяжело это все шло. И две девочки — деисты. Единственный парень был, он сказал, что мать нас с братом отлучила с десяти лет, мы живем без этой любви. Мать — вот как у Раскольниковы мать, она даже знает, что с сыном что-то, но она об этом не хочет даже разговаривать, не хочет выговорить, что что-то неладно в душе сына. Она говорит: я знаю, что ты далеко уходишь, но ты же вернешься оттуда. Я спросила у этого парня — а ты бы хотел, чтобы мать тебя позвала обратно, чтобы хотела, чтобы ты рядом был. Он говорит: «Да», — у него слезы на глазах, но он говорит: «Этого никогда не будет». Их с десяти лет отпустили: живут отдельно, у них тяга к матери, а у матери этого притяжения к ним нет. То есть — можно по-настоящему говорить о Достоевском с ребятами, только когда ты обращаешься к их личному страданию.

Конечно, мы читаем по-азербайджански, и сейчас если у меня из тридцати человек двое прочли текст к началу занятий — это достижение. В Турции же Россия воспринимается как часть западной культуры — и я спрашивала у хорошего и умного турецкого достоевиста — почему так читают и любят Достоевского в Турции, безграмотные люди читают, шофера. И он сказал: потому что Турция — религиозная страна.

У меня был студент, у него были приобретенные проблемы с речью, умнейший парень. Есть такой метод: знаю, хочу узнать, узнал. В одной графе обучающиеся записывают все, что они уже знают о писателе, кто такой Достоевский, почему герой убил: все, что они могут сказать как первое в голову пришедшее, пока с ними об этом романе не поговорили. Мой студент написал, что «Раскольников умный, вдумчивый, любящий одиночество студент, он не зря убил старуху, думаю, он был прав, он доказал, что не боится самого себя и преступления. Ему помогает божественная сила, он уверен в своей правоте».

Это то, что он знал, пока мы не начинали говорить. Что он хотел бы знать? Он написал: «Он мой идеал, но я не могу поступать, как он. Почему? Не знаю ответа. Что мне мешает? Я не могу себя представить убийцей, хотя я мог бы наказать бесполезных врачей, которые не могут устранить мою приобретенную проблему с речью. Я бесполезен для этого общества. Что меня останавливает? Почему я не мог бы убить кого-то ради своей идеи?» Значит, это он хочет знать. У него были проблемы со сдачей экзаменов: он с трудом говорил очень умные вещи, но уходило очень много времени на его ответ, и его оценивали на «хорошо».

Теперь что он узнал после того, как мы немножко провели с ним «профилактику», если можно так сказать. Был получен такой результат: «Я верю, что я спасу себя сам. Моя жизнь — роман, история (то есть, он считает свою жизнь романом) начинается как любовь Раскольникова к людям в Сибири. Я связан с людьми, с миром какими-то глубокими нитями, которые боюсь порвать. Я верю и люблю жизнь».

Это вот то, что он узнал, глубоко узнав Раскольникова: что его жизнь начинается с любви. И вот он понял, почему он не мог убивать — потому что в нем было слишком много этой любви, которая потом проявилась.

Вот тут раньше в одном выступлении был задан вопрос: «О чем Достоевский?» Так вот — Достоевский — о любви. Он не о кровопролитии, не о преступлении — он о любви. Это самое главное — и это раскрывается очень многим студентам.

У меня была одна дипломница, у нее была трагическая разлука с женихом, она очень тяжело с ним рассталась, она лежала в больнице три месяца, ее лечили, и когда она пришла и мы сели с ней говорить о встрече Сони с Раскольниковым — она расплакалась. Она тогда поняла все причины, которые натолкнули его на это — и она тогда расплакалась. И сказала, что ее тоже это спасло.

И о том, как Достоевский кого-то спас, я могу еще одно, последнее, сказать. Один известный во всем тюркском мире ученый, фольклорист, он учился в Америке в свое время, известнейший, он мне написал: «Достоевский, его “Преступление и наказание”, меня спасло от убийства, я хотел убить свою квартирную хозяйку, из-за бедности». И он говорит: «Меня остановил Раскольников, его мучения. Я не хотел мучиться так, как он мучается». Это реальный человек, известнейший человек, он мне написал это лично. Потом

он, правда, еще одну вещь написал, сказал: «Что-нибудь сделайте, напишите, чтобы научить наших писателей писать, как Достоевский, образы старцев, исламских богословов, религиозных учителей, в художественный текст их образы привести. Нету их. А Достоевский это сделал, и это очень привлекает». Это очень важно. Спасибо за все. Спасибо за конференцию, за все, это все очень важно.

Татьяна Касаткина. Спасибо большое, Кямаля, я очень надеюсь, что мы и дальше будем сотрудничать.

Я хочу сказать, что я очень благодарна всем участникам конференции, это поистине были прекрасные три дня.

Список литературы

1. Боборыкина, 2023 — *Боборыкина Т.А.* Слов божественная высь (О двух словах в переводах романа «Преступление и наказание») // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 141–156. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-141-156>
2. Борисова, 2022 — *Борисова В.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и Наказание» в контексте Священной истории: Авраам, Христос, Магомет // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 186–198. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6481
3. «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения, 2007 — Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. 835 с.
4. Викторovich, 2019 — *Викторovich В.А.* Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну. 15 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud Publishing, 2019. 452 с.
5. Достоевский, 1972–1990 — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
7. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
8. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* Авторские стратегии создания глубокого текста в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Наследие Достоевского в национальных культурах. Карс, 2022. С. 1–14.
9. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.
10. Касаткина, 2024 — *Касаткина Т.А.* Обзор III Международной научной онлайн-конференции «Преступление и наказание»: современное состояние изучения, 28, 29 февраля – 1 марта 2024 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 255–304. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-255-304>

11. Кожин, 1971 — *Кожин В.* «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Три шедевра русской классики: Сборник статей. М.: Худож. лит., 1971. С. 105–184.
12. Литература, 2012 — Литература. 10 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. 9-е изд. М.: Русское слово – учебник, 2012. Ч. 2 / В.И. Сахаров, С.А. Зинин. 288 с.
13. Льюис, 1867 — *Льюис Г.Г.* Физиология обыденной жизни / пер. с англ. профессоров Московского университета Я.А. Борзенкова и С.А. Рачинского. 4-е изд., испр., с политипажами. М.: Изд. книгопродавца А.И. Глазунова, 1867. Печатано с издания 1864. 681 с. основной пагинации + 14 с. первой пагинации.
14. Меерсон, 2013 — *Меерсон О.* Авраам и Исаак — свидетели покаяния Раскольникова // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2013. № 30. Ч. 2. С. 9–26.
15. Меерсон, 2019 — *Меерсон О.* Библейские подтексты у Достоевского как арбитры при толковании спорных мест // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3(7). С. 34–51 DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-34-51
16. Подосокорский, 2007 — *Подосокорский Н.Н.* Об аналогии «Наполеон-Магомет» в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и современность. Материалы XXI Международных Старорусских чтений 2006 года. Великий Новгород, 2007. С. 234–244.
17. Подосокорский, 2022 — *Подосокорский Н.Н.* Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89–143. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143>
18. «Подросток»: современное состояние изучения, 2022 — Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / гл. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 864 с.
19. Сараскина, 2024 — *Сараскина Л.И.* Влюбленный Разумихин: чуждая судьба героя второго плана. Рассуждение в жанре апологии // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 53–82. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-53-82>
20. Юрьева, 2024 — *Юрьева О.Ю.* Название «Преступление и Наказание» как ключ к целостному анализу романа Ф.М. Достоевского в школе. Статья 1. Преступление // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 168–197. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197>

References

1. Boborykina, T.A. "Slov bozhestvennaia vys' (O dvuh slovah v perevodah romana 'Prestuplenie i nakazanie')" ["The Divine Height of Words (On a Couple of Words in the English Translations of Crime and Punishment)"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (21), 2023, pp. 141–156. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-141-156>

2. Borisova, V.V. “Roman F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’ v kontekste Sviashchennoi istorii: Avraam, Khristos, Magomet” [“Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment* in the Context of the Sacred History: Abraham, Christos, Mohammed”]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 9, no. 4, 2022, pp. 186–198. (In Russ.) <http://doi.org/10.15393/j10.art.2022.6481>
3. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo ‘Brat’ia Karamazovy’: sovremennoe sostoianie izucheniia* [Dostoevsky’s Novel *The Brothers Karamazov: Current State of Research*]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 835 p. (In Russ.)
4. Viktorovich, V.A. *Dostoevskii. Pisatel’, zaglianushtii v bezdnu. 15 lektsii dlia proekta Magisteriia* [Dostoevsky. *The Writer Who Looked into the Abyss. 15 Lessons for the Project Magisteria*]. Moscow, Rosebud Publ., 2019. 452 p. (In Russ.)
5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost’ slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova “realizma v vyschem smysle”* [On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of “Realism in a Higher Sense”]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
7. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom. Dvustavnyi obraz v proizvedeniakh F.M. Dostoevskogo* [The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in Dostoevsky’s Works]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
8. Kasatkina, T.A. “Avtorskie strategii sozdaniia glubokogo teksta v romane F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“Authorial Strategies to Create a Deep Text in the Novel *Crime and Punishment*”]. *Nasledie Dostoevskogo v natsional’nykh kul’turakh* [Dostoevsky’s Heritage in National Cultures]. Kars, 2022, pp. 1–14. (In Russ.)
9. Kasatkina, T.A. “My budem — litsa...” *Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* [“We Will Be Faces/Persons...” *An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky’s Works*]. Ed. by T.G. Magari-Il’iava. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)
10. Kasatkina, T.A. “Obzor III Mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii ‘Prestuplenie i nakazanie’: sovremennoe sostoianie izucheniia, 28, 29 fevralia — 1 marta 2024 goda” [“Summary of the 3rd International Online Conference ‘*Crime and Punishment: Current State of Research*,’ February 28, 29 – March 1, 2024”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (26), 2024, pp. 255–304. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-255-304>
11. Kozhinov, V. “Prestuplenie i nakazanie’ F.M. Dostoevskogo” [“*Crime and Punishment* by Fyodor Dostoevsky”]. *Tri shedevra russkoi klassiki* [Three Masterpieces of Russian Classics]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971, pp. 105–184. (In Russ.)
12. Sakharov, V.I., and S.A. Zinin. *Literatura. 10 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatel’nykh uchrezhdenii: v 2 chastyakh* [Literature. 10th Class: Textbook for General Education Institutions: in 2 parts]. 9th Edition. Moscow, OOO “Russkoe slovo — uchebnik”, 2012. 288 p. (In Russ.)
13. Lewes, G.H. *Fiziologiia obydennoi zhizni* [Physiology of Common Life]. Trans. from English by Ya.A. Borzenkov and S.A. Rachinskii. 4th Edition, revised, with illustrations. Moscow, Izd. knigoprodavtsa A.I. Glazunova Publ., 1867. Printed from the 1864 edition. 681 pages of main pagination + 14 pages of preliminary pagination. (In Russ.)

14. Meerson, O. “Abraam i Isaak — svideteli pokaianiia Raskol'nikova” [“Abraham and Isaac, Witnesses of Raskolnikov Repentance”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, vol. 30, part 2, 2013, pp. 9–26. (In Russ.)

15. Meerson, O. “Bibleiskie interteksty u Dostoevskogo kak arbitry pri tolkovanii spornykh mest” [“Biblical Subtexts as Arbiters for Ambiguous Passages in Dostoevsky's Works”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (7), 2019, pp. 34–51. (In Russ.)

16. Podosokorskii, N.N. “Ob analogii ‘Napoleon-Magomet’ v romane ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“On the Analogy of ‘Napoleon-Muhammad’ in the Novel *Crime and Punishment*”]. *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XXI Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2006 [Dostoevsky and Contemporary Age. Materials from the 21st International Readings in Staraya Russa, 2006]*. Veliky Novgorod, 2007, pp. 234–244. (In Russ.)

17. Podosokorskii, N.N. “Religiozni aspekt napoleonovskogo mifa v romane ‘Prestuplenie i nakazanie’: obraz ‘Napoleona-proroka’ i misticheskie sekty russkikh raskol'nikov-pochitatelei Napoleona” [“The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel *Crime and Punishment*: The Image of ‘Napoleon-Prophet’ and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshippers of Napoleon”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (18), 2022, pp. 89–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143>

18. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo ‘Podrostok’: sovremennoe sostoianie izucheniia [Dostoevsky's Novel The Adolescent: Current State of Research]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 864 p. (In Russ.)

19. Saraskina, L.I. “Vliublennyi Razumikhin: chudnaia sud'ba geroiia vtorogo plana. Rassuzhdeniie v zhanre apologii” [“Razumikhin in Love: The Wonderful Fate of a Secondary Character. A Discourse in the Genre of Apology”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (26), 2024, pp. 53–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-53-82>

20. Iurieva, O.Iu. “Nazvanie ‘Prestuplenie i Nakazanie’ kak kliuch k tselostnomu analizu romana F.M. Dostoevskogo v shkole. Stat'ia 1. Prestuplenie” [“The Title of *Crime and Punishment* as a Key to a Holistic Analysis of Dostoevsky's Novel at School. Article 1: Crime”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (25), 2024, pp. 168–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197>

Статья поступила в редакцию: 20.06.2024
Одобрена после рецензирования: 30.07.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 20 June 2024
Approved after reviewing: 30 July 2024
Date of publication: 25 Sept. 2024